

Александр ВАРГО

САРКОФАГ

Они боятся света...

МУСТ. Черная книга 18+

Александр Варго

Саркофаг

«ЭКСМО»

2011

Варго А.

Саркофаг / А. Варго — «Эксмо», 2011 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-48059-3

Восемнадцать лет назад оперуполномоченный Сергей Баринов, преследуя преступника, столкнулся с древним злом – адским созданием, пьющим кровь людей. Сергей вступил в схватку с упырем – и проиграл. Он остался жить и даже обрел бессмертие, но сам стал исчадием ада. Все эти годы зло, которое поселилось в нем, крепчало и напитывалось темной энергией. Наконец упырь осознал – он и ему подобные должны покончить с человеческой цивилизацией и вернуть на Землю первозданное зло. Для этого надо лишь активировать один древний артефакт...

ISBN 978-5-699-48059-3

© Варго А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть I	5
Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Часть I

Проклятая деревня

Пролог

Предвестие

Ночь с 11 на 12 августа 1989 года.

Мурманское шоссе.

Граница Тихвинского и Бокситогорского районов Ленинградской области

Белая «шестерка» нудно громыхает разбитой подвеской по неровному асфальту. Пятый час то сплошной, то прерывистой белой полосой ложится под колеса осевая линия. Двести пятьдесят минут – треть рабочей смены патрульного экипажа роты дорожно-патрульной службы. По случаю специальной операции, на этот раз нацеленной на борьбу с грабителями дальнобойщиков, экипаж усилен сотрудником отделения уголовного розыска.

Оперуполномоченного зовут Сергей Баринов. Сегодня его очередь обслуживать очередную показушную инициативу, рожденную в недрах главного управления, а может даже самого министерства. Баринов никогда не вдавался в подобные тонкости, своих проблем хватало. Его ведь даже ради приличия с приказом о проведении мероприятия никто так и не удосужился ознакомить.

Как водится, на традиционной «сходке» в конце дня шеф, майор Коркин, как бы между прочим, осчастливил очередной вводной. Жалкие попытки Баринова отбояться, ссылаясь на давно просроченный отказной материал и прочие подобные мелочи, не вызвали у него ни понимания, ни элементарного сочувствия. В довершение всех неприятностей откровенно не повезло с инспекторами. Два молодых старших сержанта трудились на трассе на совесть, развеяв его мечты принять сто граммов и выспаться под елкой, пока рыцари полосатой палки зарабатывают на завтрак.

– И где же вас таких только находят? – раздраженно бубнил под нос оперативник, не опасаясь быть услышанным из-за шума двигателя. – Правда, что ли, решили злодеев поймать? Ну-ну... Флаг в руки.

Тщетно пытаясь хоть как-то устроиться на продавленном заднем сиденье, Баринов в конце концов не выдержал и завыл в полный голос:

– Все, мужики, привал! Если прямо сейчас не остановитесь, на ходу выпрыгну! Задница уже плоской стала, а на клапан давит так, что аж пар из ушей!

– А чего молчишь, Серега? – С левой стороны подголовника переднего пассажирского сиденья появилось веселое, краснокирпичное от загара лицо старшего наряда Васи Турыгина. – Ты, если чего, сразу говори. Мы-то люди привычные. У нас перерыв обычно через шесть часов, на тридцать минут. Когда ровно полсмены отвоюем.

– Знаю я ваши тридцать минут. Меня боитесь, вот и службу изображаете, – продолжал вполголоса бурчать Баринов.

– А? – не расслышал Турыгин. – Чего говоришь-то?

– Тормози! – проорал ему в самое ухо Сергей. – А то сейчас пузырь мочевой лопнет!

– Сей секунд сделаем, – испуганно отдернул голову сержант. – Колян, за поворотом карман будет, остановимся. Заодно с радаром поработаем, ноги разомнем.

– Добро, – лениво отозвался сидящий за рулем напарник.

Причудливые тени деревьев испуганно метнулись по округе, когда «шестерка», хлестнув по кругу дальним светом и пронзительно взвизгнув стертými колодками, с лихим разворотом остановилась в облаке оседающей пыли.

– Ну ты, гонщик, осторожней. – Баринов, не ожидавший столь резкого торможения, чувствительно приложился лбом о подголовник водительского сиденья. – Людей везешь, не картошку.

– А ты пристегнись, – посмеиваясь, посоветовал водитель, выбираясь из-за руля.

– Больно умные все стали, – бросил ему в спину Сергей и затрусил к ближайшим деревьям.

Между тем внимание инспекторов привлек приткнувшийся у самого края стоянки, вплотную к лесу, запыленный грузовик с прицепом. Старший наряда машинально поправил свисающий с плеча новенький, недавно полученный со склада, «калашников». Знакомая с армейской службы тяжесть оружия придавала сержанту уверенности. Он повернулся к напарнику:

– Ну что, глянем?

– Думаешь, стоит? – скептически скривился тот. – Второй час ночи. Водилы небось давным-давно дрыхнут без задних ног. Чего попусту тревожить? Может, ну их на фиг?

Однако, не вняв его доводам, старший негромко и жестко скомандовал:

– Работаем.

Напарник с равнодушным видом пожал плечами, расстегнул поясную кобуру с табельным «ПМ» и, не вынимая пистолета, демонстративно положил правую ладонь на рукоятку.

...Справив малую нужду, Баринов, испытывая долгожданное облегчение, сладко потянулся. Помассировав неприятно ноющие ягодицы, протяжно зевнул и размечтался: «Эх, пивка бы... Разливного... Холодненького...» Перед его глазами, как наяву, всплыла увенчанная шапкой белоснежной пены, запотевшая кружка с янтарным напитком. Рот тут же наполнился тягучей слюной, и Сергей с отвращением сплюнул. Нервно вытряс из мятой пачки предпоследнюю сигарету. Поспешно закуривая и продолжая отплеиваться, сам себе вслух пожаловался:

– Все, сил моих больше нет!.. Эти козлы пусть как хотят, но лично я сейчас еду к ближайшему ларьку, где продают пиво, – хрустнула зажатая в ладони пустая пачка, – и сигареты.

Воодушевленный собственной решительностью, Баринов устремился к «шестерке», щедро поливающей так и не выключенным дальним светом дальнобойную фуру.

«У них явно аккумулятор запасной есть, – зло подумал имевший понятие об автомобильных проблемах опер. – Если посадят, толкать из принципа не буду... Вот же придурки».

Он уже открыл было рот окликнуть инспекторов, как в последнее мгновение что-то его удержало. Когда до выхода из леса оставалось всего пара-тройка шагов, Баринова сковал внезапный столбняк. Душу захлестнула жуткая тоска, а от леденящего ужаса зашевелились волосы на затылке. Сергей вдруг с содроганием ощутил холодное давление недоброго взгляда сквозь прорезь прицела и ясно представил палец, неторопливо выбирающий свободный ход спускового крючка.

Моментально взмокший опер инстинктивно пригнулся, затем и вовсе присел, опустившись на левое колено. Из кобуры во влажную от пота ладонь привычно скользнул нагретый под мышкой «ПМ». Большой палец скинул флажок предохранителя вниз, а следующим движением взвел оглушительно щелкнувший в мертвой тишине курок.

Передергивать затвор и досылать патрон в патронник не было нужды. Баринов изначально, как только получил оружие для постоянного ношения, добыл у знакомых вояк пачку патронов, заменил в обойме пистолета первые три казенных на свои, личные. Четвертый собственный патрон находился в стволе. Таким образом, боекомплект увеличился до девяти выстрелов, из которых за добрую половину, в случае чего, не нужно отчитываться. А для того чтобы открыть огонь, достаточно было снять пистолет с предохранителя и взвести курок.

В крайних обстоятельствах можно начать стрелять и не взводя курка, так называемым самовзводом. Он даже специально тренировался, укладывая монету под самый срез ствола возле мушки. Задача заключалась в том, чтобы, плавно нажимая на спусковой крючок, постараться удержать ровную мушку в прорези целика, при этом не уронив монету.

Готовый немедленно открыть огонь и мучительно вспоминая, лежит ли в кармашке кобуры запасная обойма или она осталась в сейфе, Сергей одним рывком преодолел расстояние до машины и оперся мокрой спиной о правое заднее крыло. Судорожно нащупав твердый брусок магазина в притороченном к ремню кобуры специальном кармашке, перевел дух и промокнул лоб рукавом.

Сильнее всего его пугала абсолютная тишина, нарушаемая только грохотом сердца и шумом крови в ушах. Внезапно накатило желание заорать, вскочить и открыть беспорядочную стрельбу.

Неимоверным усилием воли задавив приступ паники, Баринов все же сумел взять себя в руки. Несколько раз глубоко вдохнув через нос и выдохнув через рот, он почувствовал себя немного лучше. Настолько, что смог вспомнить про радиостанцию в салоне «шестерки».

Опер уже ни секунды не сомневался в том, что с инспекторами что-то случилось. Что-то очень нехорошее. А бросаться в одиночку им на помощь Сергей великой охоты не испытывал. «В конце концов, – подумал он, – у них же есть автомат. Или был?» Предположение о попавшем к неизвестным злоумышленникам «калашникове» заставило Баринова невольно поежиться.

«Нужно бы подмогу вызывать. Уж лучше прослыть живым дураком и паникером, чем мертвым героем», – домысливая на ходу, он ужом скользнул вдоль машины. Сидя на корточках, осторожно приоткрыл переднюю пассажирскую дверцу и потянулся к такому близкому микрофону. Пальцы уже обхватили скользкий, прохладный пластик, когда ему на голову будто обрушилось небо.

...Первыми, с трудом пробиваясь сквозь тонкий, противный писк в ушах, слышались голоса. А вот попытка открыть глаза не удалась. Намертво будто приваренные друг к другу ресницы никак не желали разлепляться.

Инстинктивное желание поднять веки пальцами привело к катастрофе. Жуткая боль обожгла выкрученные за спину руки. Сквозь запекшиеся губы прорвался жалобный стон, и сознание вновь заволокла серая пелена.

Во второй раз Баринов очнулся от холода. Несмотря на то что его колотила крупная дрожь, по непонятным причудам физиологии по лбу струился ледяной пот, неприятно собираваясь в крупные капли на кончике носа. Едкая жидкость, легко преодолевая преграду бровей, в конце концов растворила склеившую ресницы корку крови, и Сергей сумел разлепить веки.

С минуту он фокусировал зрение, пытаясь совладать с плотным роем сверкающих мушек, беззаботно суетящихся внутри глазных яблок. Титаническим усилием воли справившись с этой задачей, ничего, кроме сереющих в предрассветном сумраке деревьев, он не увидел. А естественное желание осмотреться оказалось невыполнимым, так как голову жестко фиксировала тугая веревочная петля. Оставалось, уставившись прямо перед собой, гадать, что же на самом деле произошло?

Переступив босыми ступнями по мху, покрытому ковром колючих сухих иголок, Баринов вдруг с замиранием сердца понял, что привязан к дереву абсолютно голым. Почему-то отчаянно стыдясь собственной наготы, Сергей рванулся изо всех сил. Как и следовало ожидать, веревки выдержали натиск. А вот последствием крайнего напряжения стал жесточайший, выворачивающий наизнанку, приступ дурноты, свидетельствующий о серьезном сотрясении мозга.

Едва не захлебнувшись обильно заброшенной через пищевод собственной едкой желчью, он, больше не обращая внимания на происходящее вокруг, стал шумно отплеиваться.

И только наполненный безнадежной мольбой, срывающийся женский голос заставил Сергея замереть с открытым ртом.

– Опомнись! Хватит крови! Этот мальчик не сделал тебе ничего дурного! Пощади хотя бы его!

Что ответил собеседник его защитнице, Баринов не услышал. Гулкий удар по многострадальной голове вновь отправил его в темноту.

...На этот раз он очнулся лежа и первым делом провел ладонями по липко-влажным волосам на пульсирующем жаркой болью затылке. А поднеся перепачканные кровью ладони к глазам, едва справился с подкатившей тошнотой.

Немного полежав без движения, Сергей все же заставил себя подняться. Сначала на колени, а потом, цепляясь непослушными, скользкими от крови пальцами за гладкий ствол молодой сосны, на дрожащие ноги.

Он по-прежнему был без одежды. Но теперь это его нисколько не трогало. Даже холод не чувствовался, несмотря на то что при дыхании изо рта вылетал заметный в светлеющем воздухе парок.

Сделав несколько неверных шагов до соседнего дерева, Сергей судорожно обнял его и прижался всем телом к шершавой коре. Медленно повернул голову вправо и снова чуть не потерял сознание. Рвотный позыв сначала согнул его пополам, затем вновь бросил на колени. На этот раз выполаскивало основательно, и было от чего.

На связанных из стволов молодых березок импровизированных крестах обвисли два обнаженных трупа. Из распоротых животов мертвецов наплыла черная, уже частично свернувшаяся кровь. Между ног вместо гениталий свисала отвратительная, иссиня-багровая бахрома. Желто-розовые, лишенные плоти позвоночные столбы, поднимающиеся, казалось, из самого центра грудных клеток, подпирали круглые шары голов с неестественно выпученными поблевшими глазами.

Сергей, до рези всматриваясь в алебастровые лица, леденя, понимал, чьи это тела.

Дальнейшие события сохранились обрывками. После поляны с трупами инспекторов он очнулся у машины почему-то уже одетым. Не хватало только кобуры с пистолетом. Несмотря на так и не выключенные фары, аккумулятор еще дышал. Радиостанция зашипела, как некстати разбуженная змея, и ожила.

Дежурный, попытавшийся было возмутиться долгим отсутствием связи с патрульным экипажем, испуганно поперхнулся, услышав хрип Баринова: «Скорую... Опергруппу... Прокуратуру... Два трупа сотрудников... Быстро...» – что-то неразборчиво пробормотал и отключился.

...Наваждение отпустило так же внезапно, как и началось.

Сергей машинально застегнул молнию на джинсах и какое-то время, приходя в себя, просто неподвижно стоял. Затем, не ощущая боли от прикосновений, недоверчиво ощупал голову. Долго и придирчиво рассматривал ладони, так и не обнаружив на них ни единого пятнышка крови. А когда с замиранием сердца с силой прижал левый локоть к боку, предохранитель пистолета даже сквозь толстую кожу кобуры отрезвляюще больно воткнулся в ребро.

«Блин горелый, да что же это такое? С ума схожу, что ли?» – с этой мыслью Баринов опасно оглянулся. Но, кроме ближайших стволов густого подлеска, едва различимых во тьме, ничего не сумел рассмотреть.

Стараясь не шуметь, он развернулся лицом к дороге. Фары патрульной машины все так же щедро освещали стоянку и фуру на ее краю. Вокруг стояла абсолютная, неестественная тишина, а трасса словно вымерла. С того момента как белая «шестерка» остановилась, мимо не проехала ни одна машина. Даже воздух будто застыл и, как показалось Сергею, слегка загустел.

Опер нервно вздрогнул. Сделал неуверенный шаг к выходу из леса и ему в нос ударил явственный запах вскопанной влажной земли. Разыгравшееся воображение тут же подкинуло образ свежерытой могилы.

– Тьфу ты, черт! – с глухим отчаянием вслух выругался Баринов.

Резким движением выдернув «ПМ» из-под куртки, он большим пальцем привычно сдвинул вниз предохранитель и взвел щелкнувший, будто сломавшийся под ногой сучок, курок.

– Ну суки... – непонятно к кому обращаясь, прошипел он и, пригибаясь, бросился к машине.

Как только Сергей пересек невидимую черту, отделяющую лес от стоянки, мир вокруг переменился как по мановению волшебной палочки. Вместо могильной сырости невыносимо завоняла валявшаяся на обочине обгоревшая крышка. Мимо натужно проревел «МАЗ». Навстречу ему шустро проскочила блеснувшая в свете фар черным лаком представительная «Волга». Возле осветившейся изнутри кабины грузовика недовольно бубнили голоса. Словом, все было как обычно. Только почему-то не спешил таять ледяной ком, застывший у Барина под ложечкой.

Сергей рывком открыл заднюю дверцу и с размаху плюхнулся на продавленное сиденье, продолжая упираться ногами в землю. Несмотря на то что поза получилась неловкой, он как будто наслаждался этим неудобством, отвлекающим от воспоминаний о недавнем наваждении. Ему все еще мерещились голые изуродованные трупы инспекторов.

Баринов с раздражением тряхнул головой, пытаясь прогнать навязчивое видение и, не рассчитав, сильно ударился о стойку между дверями. От боли из глаз брызнули слезы, но неожиданно стало легче.

Шепотом матерясь, он вытащил из левого кармана куртки смятую пачку, зубами достал последнюю сигарету. Нервно скомкал картонный прямоугольник в кулаке и кинул его под колесо. Неловко прикурив левой рукой, с удивлением покосился на пистолет, который продолжал судорожно сжимать в правой. Потом отработанным до автоматизма движением большого пальца поставил оружие на предохранитель и воткнул в кобуру, одновременно глубоко затягиваясь горьковатым дымом.

В этот момент от кабины грузовика отделился плоский в слепящем искусственном свете силуэт. Старший смены, похрустывая гравием под подошвами ботинок, неспешно подошел к оперу. Не давая сержанту раскрыть рта, Баринов капризно зачастил:

– Короче! Заканчивайте эту бестолковую бодягу, и отрываемся туда, где дают водку и шашлыки. Мне край как накатить нужно. А если желаете ударно трудиться дальше, я не в претензии. Меня на обратном пути подхватите.

Инспектор удивленно захлопал глазами и, помявшись, несмело забормотал:

– А нас... это... ну... на инструктаже предупредили, что ты... ну-у-у, это... как сказать?..

– Да как есть, так говори. Чего кота за хвост тянешь?

Инспектор переступил с ноги на ногу, потупившись, как провинившийся школьник, и выдал:

– Ну, типа, правильный ты.

Сергей нервно хихикнул:

– Ага, все верно. А мой вождь по страшному секрету мне шепнул, что недоделанные вы. И поэтому мы уже шесть часов занимаемся херней, вместо того чтобы с пользой провести время. Так?

– Так, – подтвердил ошарашенный подобным поворотом событий старший сержант.

– Тогда чего стоим? Кого ждем? Ноги в руки, и быстро-быстро поплыли в сторону моря.

– погоди, – качнул указательным пальцем инспектор. – Там фура из Дагестана. Похоже, с левой водкой. Документы – откровенное фуфло, невооруженным глазом видно. Смотреть пойдешь?

– Не... – расслабленно отмахнулся Баринов, хотя еще час назад такой вариант заставил бы его подскочить и со всех ног броситься к сладкому куску. После прогулки в лес внутри что-то надломилось. – Сами разберитесь. Возьмите пару пузырей, и пусть катятся на все четыре стороны.

Сержант, поперхнувшись от возмущения, просипел:

– Какие пару пузырей? Ты вообще о чем?

– Да, действительно, что-то я не то говорю. – Сергей с пониманием прищурился, глядя на инспектора. – Но все равно мне заморачиваться с ними в лом. Устал что-то. Сами разбирайтесь, я не в теме. Сколько стряσετε, все ваше.

– Хорошо подумал? – Сержант не верил собственным ушам.

– Давай, давай. Пока мы здесь базарим, время идет. А у меня трубы горят... Сигарету дай.

Инспектор, не вынимая пачки, ловко добыл из нагрудного кармана сигарету и бросил ее на сиденье. Затем развернулся и потрусил к фуре, по пути несколько раз обернувшись, проверяя, не передумал ли опер.

Не прошло и четверти часа, как до самых глаз заросшие черной щетиной хмурые горцы загрузили в багажник милицейского автомобиля четыре картонные коробки с водкой, а в карманы сержантов – немалое количество хрустящих бумажек. Турыгин сиял, словно новый самовар.

– Сергуня! Поляна за нами! Мы такое место тебе покажем... Там шашлыки, – заливался он, целуя сложенные щепотью пальцы правой руки, – пальчики оближешь.

Вполуха слушающий его Баринов расслабленно развалился на заднем сиденье, с немалым удовлетворением ощущая, как после доброго глотка обжигающей жидкости прямо из горла бутылки мало-помалу отпускает дикое напряжение и начинает таять лед в желудке.

«Ох, как же я сейчас нажрись...» – всплыла и, не зацепившись на поверхности, канула в глубины подсознания ленивая мысль. С каждой минутой все быстрее набирая скорость, машина неслась навстречу светлеющему горизонту.

Глава 1

Опала

12 августа 1989 года. 11 часов 15 минут.

Горотдел милиции. Кабинет начальника отделения уголовного розыска

Мучаясь кошмарной головной болью, старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан милиции Баринов Сергей Анатольевич тщетно пытался сосредоточиться на речи непосредственного начальника. Ежедневное оперативное совещание, как правило, начиналось в девять утра, но Коркин без объяснения причин перенес его на одиннадцать. Баринов резонно предполагал, что сделано это было исключительно из-за его персоны.

Ночное мероприятие закончилось гораздо хуже, чем ожидалось. Предчувствие, посетившее Баринова в машине, не обмануло. К шести утра оба старших сержанта и опер дошли до состояния полного изумления.

Однако когда веселье достигло своего апогея, заявился командир взвода дорожно-патрульной службы, который в сопровождении заместителя два с лишним часа разыскивал по всей трассе неожиданно замолчавший экипаж. Это сейчас Сергей понимал, что они, по сути, спасли сорвавшихся с катушек подчиненных и коллегу. Но тогда, как подсказывали вспышки памяти, он бурно сопротивлялся и требовал продолжения банкета, после чего в воспоминаниях зиял черный провал.

Час назад Баринов очнулся на стульях в рабочем кабинете. Первичная проверка показала наличие на своем месте пистолета и удостоверения, что оставляло призрачную надежду выкрутиться без необратимых последствий.

«Интересно, получится отделаться строгачом или все же влепят предупреждение о неполном служебном соответствии? – Мысли в голове ворочались тяжело, как неподъемные булыжники, а каждое слово начальника отделения раскаленным гвоздем втыкалось в большой мозг. – Плевать, – успокаивал он себя, – раз «ксиву» с оружием не отобрали, значит, пока не выгоняют. А взыскание не триппер, половой жизни не помеха. Придет время – снимут. Не впервой».

Пока Сергей отчаянно боролся с подкатывающей тошнотой, Коркин успел закончить совещание. Народ, поднимаясь, громко задвигал стульями. Сергей, прикрываясь спинами коллег, попытался тихонько смыться под общий шумок, но его остановил начальственный перст. Обманчиво ласковым голосом Мюллера в исполнении актера Броневого он пропел: «А вас, Баринов, я попрошу остаться».

«Точно неполный ход», – сделал неутешительный вывод Сергей, тоскливым взглядом провожая выходящих из кабинета коллег. Они, в свою очередь, сочувственно косились на него.

Коркин, дождавшись, пока кабинет опустеет, неторопливо пересек помещение по диагонали. Откровенно трясушейся рукой снял с громадного, шелушащегося лупящейся рыжей краской сейфа графин с мутноватой водой и набулькал полный стакан. Жадно осушив его, вернулся за стол и бросил в рот подушечку жевательной резинки. Затем тяжело посмотрел на Сергея глубоко упрятыми под припухшими веками глазами в красных прожилках.

«Так вот оно что! – незаметно переводя дух, с облегчением догадался Баринов. – Шеф, похоже, вчера тоже немало на грудь принял, вот и хреново ему так же, как и мне. Поэтому, наверное, и оперативку перенес».

– Значит, так, Сергей Анатольевич, – надтреснутым голосом начал Коркин, – сейчас ты поднимаешь снизу Хохлова, твоего старого знакомого, и беседуешь с ним под протокол. Поручение следователя уже есть. Цель – определить местонахождение его подельника.

– Михалыч! – дурниной взвыл Баринов. – Ты чего творишь-то, а?! Я же ночь не спал! Мне отдых положен!

В ответ начальник мгновенно налился темной кровью и гневно заревел:

– Отдых, говоришь? – Его кадык совершил поступательное движение вверх-вниз. – Я тебе покажу отдых!!! На гражданке отдыхать будешь!!! Понял?!

Приподнявшийся со стула Коркин тяжело ухнул обратно и неожиданно спокойно продолжил:

– Короче, так, Баринов. Или ты прямо сейчас начинаешь выполнять указание, или можешь идти в кадры за обходным листом.

– Все, все. Слушаюсь и повинуюсь, – примирительно поднял вверх руки Сергей, в планы которого не входило такое скоростное увольнение со службы, и неуклюже попытался изобразить раскаяние на небритой опухшей физиономии.

Начальник отделения показал пальцем на выход:

– Иди работай. Да, притормози-ка еще на секунду...

Баринов, уже взявшийся за дверную ручку, с нехорошим предчувствием обернулся.

– Еще одна такая выходка, – прикуривая, прищурился Коркин, – уволю в двадцать четыре часа, и никакие прежние заслуги не помогут... Вопросы есть?

– Вопросов нет, – с тяжелым вздохом ответил Сергей, тихонько прикрывая за собой дверь, ясно понимая, что с печальным свистом пролетает мимо премии за предыдущее раскрытие.

12 августа 1989 года. 18 часов 40 минут.

Ленинградская область.

Окрестности деревни Грызлово

Канареечного цвета «УАЗ» с синей полосой вдоль всего кузова на полном ходу обрушился носом в наполненную мутной водой колдобину. Оправдывая свое народное название, автомобиль на выходе из ямы «скозлил». Находившиеся в салоне люди на доли секунды испытали чувство невесомости, а потом на противоходе врезались в обтянутые потертым дерматином сиденья. Сидевший впереди Баринов с такой силой клацнул зубами, что чуть не откусил себе язык.

– Ты куда несешься, черт нерусский?! – благим матом заорал он на младшего сержанта Галимова, втопившего в пол педаль газа. – Все равно до конца смены не успеешь, идиот! Мы же еще туда не доехали... Кстати, – обернулся он к местному участковому, – далеко еще?

– Километра три с половиной, четыре, – ответил, тщетно пытавшийся закрепиться на скачущей под ним, как необъезженная лошадь, плоскости сиденья младший лейтенант Вася Бородулин.

Сергей мысленно прикинул «подлетное время» и толкнул водителя в плечо:

– Сбрось скорость, я сказал! Ревешь, за десять километров слышно. Это раз. А два – имей в виду: если твоя колымага замерзнет, обратно будешь толкать ее собственной задницей. Понял?

Галимов, по крови предков дитя гор, однако родившийся и всю жизнь проживший в Ленинградской области, генетически унаследовал склонность к стремительному перемещению в пространстве. Из древнего барахла, которое гордо именовалось специальным транспортом горотдела, он умудрялся выжимать последние соки, заставляя этот металлолом двигаться со скоростью автомобиля. Неудивительно, что машина, закрепленная за джигитом, большую часть времени проводила в ремонте, не выдерживая за пределами нагрузок.

Скрипнув зубами, водитель покраснел и набычился, но давление на акселератор все же ослабил. Сразу стало значительно меньше трясти и утихло оглушительное рычание прогоревшего глушителя, всю дорогу немилосердно истязавшее барабанные перепонки пассажиров.

– Вася, – вновь обратился Баринов к младшему лейтенанту, – когда останется метров двести-триста, скажешь. Нам машину в зоне прямой видимости светить не с руки. А то до следующего понедельника по лесу за клиентом будем бегать.

Когда дорога выскочила на песчаный взгорок, «уазик» по команде Бородулина немилосердно закрипел тормозами и остановился. Переждав, пока осядет пыль, Баринов с участковым, оставив водителя в машине, выбрались на свежий воздух.

– Эх, голова садовая, надо же было бинокль забыть, – вполголоса ругался Сергей, пытаясь из-под приставленной ко лбу козырьком ладони рассмотреть с десяток почерневших от ветхости домишек, без всякого порядка раскиданных вдоль извилистого, с болотистыми берегами ручья. Закатное солнце, прямой наводкой бившее в глаза, значительно усложняло это занятие.

Страдающего жутким похмельем и по этому поводу люто ненавидевшего весь мир опера понесло в глухомань вследствие проявленной дурной инициативы. Стремясь оправдаться за допущенный накануне прокол, Сергей асфальтовым катком наехал на мелкого хулигана Хохлова.

Похожий на золотушного подростка, прыщавый Леня Хохлов по кличке Слизняк сломался менее чем за десять минут. Не пришлось даже применять меры физического воздействия, о чем Баринов, особо не грешивший рукоприкладством, в глубине души даже пожалел, так как ему очень хотелось на ком-нибудь оторваться. Но Слизняк, тонко уловивший состояние опера, не рискнул испытывать судьбу, играя в молчанку.

Через сорок минут довольный Сергей, не отважившись опохмелиться, на сухую проглотил завалявшуюся с незапамятных времен в ящике стола таблетку анальгина и направился докладывать о результатах Коркину. В протоколе, чин по чину подписанном Хохловым, имелся полный расклад по пяти квартирным кражам. Перепуганный Слизняк не только сдал скупщика, которому он сносил ворованное добро, но и указал возможное место пребывания подельника.

Сам Хохлов, в силу крайне низкого уровня умственного развития, был способен разве что вытрясти карманную мелочь у младших школьников, потому как старшие могли отобрать наличность уже у него. Однако отсидевший свой второй срок вор-рецидивист Кувалдин по кличке Кувалда открыл у Слизняка настоящий талант форточника. И все было бы замечательно у стихийно сложившейся преступной группы, на горе гражданам и операм успешно вычищавшей квартиры на нижних этажах домов, да вмешался его величество случай.

Как-то рассеянный жилец забыл отключить охранную сигнализацию, и по сигналу тревоги тут же примчалась патрульная группа. Спускавшиеся с пятого этажа по лестнице два сержанта нос к носу столкнулись с Кувалдой и Слизняком, неосмотрительно вывалившимися из чужой квартиры. Милиционеры, может, и не обратили бы внимания на двух невзрачных мужичков, но, на свою беду, сладкая парочка была под завязку нагружена чужими вещами.

Когда воров остановили для проверки, более сообразительный Кувалдин, улучив момент, бросился бежать. Перекрывавший выход водитель к этому времени уже получил сигнал отбоя и успел вернуться в машину. А пока один из сержантов, цепляясь стволом автомата за перила и путаясь в сброшенных под ноги тюках, выскочил из подъезда, его и след простыл...

Раскрутивший Слизняка Баринов имел неосторожность при докладе начальнику отделения подкинуть идею задержания Кувалды по горячим следам. Хохлов божился, что тот залег у дальних родственников в деревне Грызлово, и Сергей, для очистки совести, предложил смотаться туда за Кувалдиным.

Неожиданно для него Коркин не только ухватился за эту мысль, но и умудрился в течение часа, что само по себе явилось событием невероятным, пробить машину с водителем. Теперь, готовый отрезать себе язык и выбросить его облезлым котам, оккупировавшим ближайший к отделу мусорный бак, опер прикидывал, как не упустить хитрого уголовника.

– Василий, – повернулся Баринов к Бородулину, – ты дом установил?

– А как же, – отозвался участковый, заранее предупрежденный по телефону и успевший собрать необходимый минимум сведений.

– Точно? – с сомнением переспросил Сергей, привыкший за время службы ко всяким накладкам и не очень доверявший наспех собранной информации.

– Обижаешь, начальник, – самодовольно ухмыльнулся участковый.

– Ну-ну. Я обычно своих не сдаю. Но если с домом проколешься, не обессудь. Крайним однозначно тебя сделаю.

– Не колотись, Серега. Все будет тип-топ, – возбужденно ответил Бородулин, до крайности взбудораженный предстоящим приключением, так как в силу недолгого пребывания в органах еще не успел наиграться в войну.

Неодобрительно цыкнувший зубом Баринов посмотрел на уходящее за горизонт солнце, а потом на циферблат наручных часов.

– Короче, так. Выдвигаемся, как только начнет темнеть. Если он нас срисует на подходе – все, кранты. Так что придется изображать разведчиков.

– Это как? – не понял участковый.

– А вот так! – раздраженно окрысился Баринов. – Для особо одаренных разьясняю: скрытно будем выдвигаться к деревне. То есть огородами.

– Да тут километра полтора по пересеченной местности в темноте переть, – сразу поскуачил Бородулин.

– И попрешь, никуда не денешься! – продолжал давить на него Баринов, которому тоже не светила перспектива ломать впотьмах ноги.

Но оперативник прекрасно понимал, что взять такую хитрую рыбу, как Кувалда, можно, только подобравшись на расстояние уверенного броска. А проколоться он сейчас никак не мог.

Сергей помолчал, прикидывая в уме план ближайших действий. Затем достал сигареты и примирительно протянул раскрытую пачку Бородулину. Милиционеры дружно закурили.

Привычно дотянув окурочок до самого фильтра, Баринов стукнул кулаком по гулко отозвавшемуся крылу машины.

– Эй, джигит! – Успевший задремать Галимов заполошно подхватился. – Не спи, замерзнешь! У тебя фонарь есть?

– Да был где-то, – невнятно, сквозь раздирающую рот зевоту ответил водитель.

– С кем работать приходится... – обреченно махнул рукой опер. – Так не сиди сиднем, ищи. И радиостанции доставай, настраивать будем. Или ты тут месяц загорать собрался? А то смотри, организую.

Пока водитель искал и выкладывал на капот требуемые предметы амуниции, Баринов инструктировал его и участкового. Повторив финальную часть, он переспросил:

– Все понятно?

– Да вроде все, – буркнул Бородулин.

– Ага, – равнодушно протянул Галимов.

– Точно все?! – рявкнул на него Сергей. – Смотри, если облажаешься, я тебя быстро в патрульно-постовую службу пристрою, на самый поганый маршрут! Усек?

– Да понял, понял, – отмахнулся от Баринова совсем не испугавшийся угрозы водитель.

Сергей, с досады плюнув под ноги, на всякий случай проверил крепление кобуры под мышкой. Еще раз внимательно посмотрел на растворяющуюся в густеющих сумерках деревню.

– Все. Еще по сигарете, и двинулись...

Глава 2

Соль на рану

11 августа 1989 года. 12 часов 20 минут.

Ленинградская область. Деревня Грызлово

Аркадий Григорьевич Кувалдин, он же Кувалда, сидел на чердаке ветхого, как и все в деревне, дома. Низкие, источенные жучком балки перекрытия не только мешали распрямиться во весь рост, но и при малейшем прикосновении обильно осыпали колючей трухой.

На чердак Кувалда полез с целью рекогносцировки на местности, хотя в жизни не слышал столь мудреного слова. Аркаша за свои тридцать два года прочитал не более десятка книжек, да и те в детстве, когда пришлось целых четыре года учиться в начальной школе. На этом традиционное обучение закончилось, и его единственным университетом стала зона. Сначала малолетка, а потом сразу колония усиленного режима.

Кувалда нисколько не боялся в любой момент вернуться туда и даже в глубине души загадывал к концу третьего срока – а в его неизбежности сомневаться было бы глупо – короноваться воров в законе. Но пока Кувалдин за колючку не спешил, потому как не успел еще по полной оттянуться на свободе. Как-никак, за вторую ходку он отмотал шесть полных годков от звонка до звонка.

Полуденное солнце раскалило потрескавшийся шифер, а висевшая в воздухе пыль забивалась в нос, заставляя ежеминутно конвульсивно чихать. Кувалда уже успел слазить на крышу и с риском свалиться в густые заросли крапивы внимательно изучил местность; долго прикидывал маршруты отхода, если вдруг неожиданно нагрянут менты. А сейчас со скуки изучал рухлядь, наполнявшую чердак.

Внизу, в доме, ничего интересного и ценного не было. Замусоленную пятерку, остаток пенсии двух стариков, приходящихся Кувалдину родней по давно сгинувшему папаше, он, после того как нежданно-негаданно для них нагрянул в гости, прикарманил первым же делом. Да только толку от этих жалких копеек не было никакого. Магазины в деревне отродясь не водилось; лишь изредка, не чаще раза в месяц, попутным ветром заносило автолавку. Десяток аборигенов обоего пола, самому младшему из которых уже перевалило за шестьдесят, жили исключительно натуральным хозяйством.

Однако, для того чтобы временно схорониться, место было – лучше не придумаешь. Еды, пусть и без особых разносолов, в достатке. Мутного картофельного самогона тоже хватало. Разве что здорово донимала смертельная скука.

Когда окончательно запарившийся на душном чердаке Кувалда собирался вниз, его внимание вдруг привлек тусклый отблеск полированного металла. Пробившийся сквозь щель в обрешетке тоненький лучик отпрыгнул солнечным зайчиком прямо в глаз. Вор встрепенулся в предчувствии долгожданного приключения.

В дальнем углу от лаза громоздилась ничем не примечательная уродливая куча заплесневелых тряпок. Но она только на первый взгляд не имела определенной формы. Внимательно присмотревшись, уголовник не столько увидел, сколько интуитивно угадал под вонючими лохмотьями крупный ящик. Окончательно сгнившая рвань обнажила обитый металлом угол, а случайный солнечный луч довершил разрушение маскировки.

Кувалда, промокнув рукавом несвежей рубашки липкую испарину с лица, стряхнул с коротко стриженных волос насыпавшуюся сверху труху и подумал: «Надо бы старого заставить баню топить, а бабу – клифт простирнуть. А то не вор, а бомжила какой-то». Прищурившись, он прикинул такую траекторию движения, чтобы потным телом собрать как можно меньше медленно колыхающейся пыльными сетями паутины.

Кувалдину пришлось изрядно повозиться, откапывая находку. Но он, как археолог, увлеченно вкалывал, распугивая поселившихся в гнилье жирных пауков и еще какую-то длинноногую, исключительно мерзкую на вид живность.

Через четверть часа ударного труда его усилия наконец увенчались успехом. Освещенный бившими сквозь дыры в крыше столбами яркого света, перед Кувалдой во всей красе предстал прямоугольный деревянный сундук высотой около полуметра, шириной сантиметров семьдесят и длиной не менее двух метров.

«Не... Фарт, он есть... А я вор фартовый... Взял вот, и клад нашел», – возбужденно потирая перепачканные руки, бормотал Кувалда. Воображение помимо воли рисовало то горы старорежимного тускло-желтого золота, то переливающиеся всеми цветами радуги крупные бриллианты. На крайний случай – стоимые бешеных денег на черном рынке иконы в тяжелых, драгоценных окладах.

Несмотря на то что большинство уголовников искренне верили в существование Бога, Кувалда был убежденным атеистом. Он никогда не понимал, зачем люди отваливают безумные суммы за раскрашенные куски дерева, но тем не менее немало наварился на модном поветрии.

Перед второй отсидкой Кувалдин совершил целую серию дерзких краж разнообразной утвари из сельских церквей и очень хорошо заработал на ее перепродаже. Попался же он совсем на другом деле, и хищение церковного имущества осталось безнаказанным. После этого Кувалда окончательно уверился в том, что бояться нужно совсем не выдуманного Бога, а лишь людей в погонах, реально отравляющих ему жизнь.

«Ну ни фига себе!» – изумился Кувалда, когда детально рассмотрел находку. Время и непотребные условия хранения никак не отразились на покрытом лаком благородном дереве. Затейливые металлические украшения, одновременно играющие роль усиления и защиты конструкции от внешнего воздействия, устояли перед коррозией. Плотная притертая крышка ящика запиралась двумя внушающими уважение врезными замками.

Опытный Кувалдин сразу смекнул, что голыми руками замки взять не получится, и торопливо скатился вниз по хлипкой лестнице. Когда же под ногой предательски хрупнула трухлявая перекладина, не удержав равновесия и со всего маху воткнулся коленом в пол. В запале, не обращая внимания на острую боль, похромал в сени, где накануне заметил ржавый топор.

Хитроумные запоры долго не поддавались, но силы изначально были не равны. Исступленно кромкая зубренным железом беззащитную древесину и безжалостно увеча затейливые металлические завитушки, Кувалда в конце концов добился своего. Поддавшись напору грубой силы, крышка дрогнула и с тихим скрипом пошла вверх.

«Оба-на! – Заглянувший внутрь ящика вор от неожиданности уронил топор обухом прямо на пальцы правой ноги и даже не заметил этого. – Там же жмур!»

Теперь Кувалдин понял, почему в тот момент, когда он раскопал находку, в глубине души ворохнулось дурное предчувствие, тут же задавленное жадой возможной наживы.

«Мать твою за ногу! Во, попал! Да это ж гроб!» – с оборвавшимся в живот сердцем сообразил Кувалда. Все свободное пространство вскрытой домовины вместо воделенных драгоценностей занимало мертвое тело. Труп до самого подбородка укрывала плотная серая ткань, оставляя открытым лишь щерящийся необыкновенно крупными, неправильной формы зубами, лишенный волос бугристый череп.

Завороженный жутким зрелищем Кувалда вцепился побелевшими от напряжения пальцами в кромку гроба. Тем временем яркий столбик, отчетливо прорисованный в наполненной пылью атмосфере чердака, двигаясь вслед за породившим его светиллом, забрался на щеку мертвеца. И тут же коричневый пергамент сморщенной кожи вскипел, будто на него плеснули концентрированной серной кислоты.

Тяжеленная крышка стремительно обрушилась вниз, дробя не успевшему среагировать Кувалдину пальцы. Вор, заливая внутренности гроба обильно хлынувшей кровью, отчаянно взвыл и лишился от болевого шока сознания.

12 августа 1989 года. 23 часа 18 минут.

Ленинградская область. Деревня Грызлово

Баринов тысячу раз пожалел, что перестраховался и решил поиграть в индейцев. Засветло спуститься с горы в деревню, до которой, казалось, подать рукой, представлялось проще простого. Но брести по незнакомой местности, да еще и в кромешной тьме, совсем другой коленкор.

Слабенький лучик фонарика помогал мало, не в силах проявить скрытые в густой поросли провалы. Сопя и матерясь, опер с участковым больше часа продирались сквозь колючие кусты, совершенно потеряв какие-либо ориентиры. По расчетам милиционеров, они давно должны были выйти к намеченной точке, но зарослям не было видно конца и края.

– Екарный бабай! – наплевав на конспирацию, во весь голос заорал Баринов, очередной раз ударившись ногой о спрятавшийся в траве валун. – Все, стой!

Бредущий слева Бородулин, вздрогнув от неожиданности, застыл как вкопанный. Сергей направил на него фонарик. Луч выхватил потную физиономию с виноватым выражением.

– Куда ты завел нас, Сусанин? Сдается, мы так до утра гулять будем...

– Вроде бы правильное направление держали. Сам не пойму, как так получилось, – пожал плечами участковый.

– Понятно. В трех соснах заблудились, – ехидно резюмировал Баринов.

– Ну, вроде того, – отвел глаза в сторону младший лейтенант.

У Сергея, толком не спавшего вторую ночь, не было сил даже обругать коллегу. Тяжело вздохнув, он, не выбирая места, сел прямо там, где стоял.

– Перекур. Отдышусь, потом думать буду, как выбираться. Наберут, понимаешь, на работу по объявлению...

Бородулин предпочел не заметить камень, брошенный в его огород. Как ни в чем не бывало уселся рядом и закурил.

Баринов не успел сделать и трех затяжек, как почувствовал, что джинсы стремительно напитываются водой. Проворно вскочив, он с усилием надавил подошвой ботинка на землю. Под ногой смачно чавкнуло.

– Слышишь, Васек. – Сергей отбросил недокуренную сигарету. – Мы, похоже, к ручью вышли. Ты еще задницу не промочил?

– Не-а, – беззаботно ответил предусмотрительный участковый, который прежде чем опуститься на землю, заправил под себя полы вытертого, доходящего до колен дождевика. В отличие от Баринова он, имея небольшой запас времени подготовиться к поездке, оделся соответственно случаю.

– Молодец. А я теперь по твоей милости с мокрым задом буду воевать? – возмутился Сергей.

– А почему по моей? – простодушно удивился Бородулин.

– А по чьей же еще? Кто участка не знает ни хрена? А если бы в деревне террористы заложников держали? Ты бы группу захвата тоже всю ночь на объект выводил?

Сергей в глубине души понимал несправедливость обвинений. С момента назначения парня на должность не прошло и года. А звание младшего лейтенанта ему присвоили и вовсе полтора месяца назад, уже не говоря о том, что идея скрытого выдвижения вообще принадлежала самому Баринову, который в запале и слушать не хотел резонных возражений Бородулина. В том, что они заблудились, участковый был виноват не больше опера.

Приведенный же пример про террористов вообще не лез ни в какие ворота. Какие, к черту, террористы в этой глуши? Для борцов за национальный суверенитет деревенька пред-

ставляла такой же практический интерес, как для Баринова – уровень уличной преступности в Занзибаре.

До Сергея почти сразу дошло, что он сморозил глупость. Василий, конечно, тактично промолчал, не подвергая сомнению авторитет старшего товарища, и Баринову ничего не оставалось делать, как, смущенно крикнув, сокрушенно шупать сырое пятно аккурат под задними карманами джинсов.

– Поднимайся. – Сергей примирительно протянул участковому руку, помогая встать. – Пошли искать переправу.

...К ближним от ручья домам промокшие, с головы до ног перепачканные в липкой грязи милиционеры выбрались около часа ночи. Участковый, ко всему прочему, умудрился со всего маху ухнуть в глубокую лужу.

Подсвечивая дорогу заметно потускневшими лучами фонарей – батарейки садились, не выдерживая непрерывной эксплуатации, – они добрались до первого забора. Присели на корточки и устало привалились спинами к доскам из горбыля.

– Вот же зараза, – зашипел Бородулин, выливая из кармана воду вместе с бесформенным комком, бывшим когда-то сигаретной пачкой, – теперь еще и без курева остался.

– Расслабься, у меня на двоих хватит.

Опытный Баринов никогда не выезжал на мероприятие без тройного табачного запаса. И в этот раз, планируя отсутствовать дома не более суток, на всякий случай бросил в сумку картонную упаковку с десятью пачками.

– Лучше удостоверение и оружие проверь, а то на коленях будешь с утра по берегу ползать. – Сергей протянул участковому сигарету.

Ночную тишину не нарушал ни один звук. Безучастно поблескивали в разрывах облаков далекие звезды, а полная луна, первую половину пути светившая не хуже фонаря, уже нырнула за горизонт. В чернильной темноте красными светляками плавали два огонька, слегка подсвечивая их лица в момент зыбков.

– С другой стороны, может, и неплохо, что так долго провозились. Сейчас самый сон, тепленького возьмем, – инстинктивно стараясь не нарушать тишину, прошептал Сергей. – Дом-то сумеешь найти?

– Должен. Вроде как сориентировался, – так же шепотом ответил Бородулин.

– Тогда пора джигита будить. Дрыхнет небось, гаденьш, без задних ног... Пока плутали, ни разу ведь не побеспокоился, черт нерусский.

– Соблюдал режим радиомолчания, – хихикнул участковый.

– Вернемся, я ему устрою режим, – пригрозил Баринов, доставая из внутреннего кармана куртки брусок радиостанции.

Галимов ответил после двенадцатой попытки вызова, когда озверевший Баринов уже начал орать в микрофон. Разбуженные громкими звуками завозились куры в соседнем сарае, а Василий тронул опера за плечо:

– А ну его к Аллаху, сами справимся. Ты же сейчас всю деревню на ноги поднимешь.

Но в этот момент ожила радиостанция, и динамик хрипнул: «На приеме».

– Слушай внимательно, раздолбай, – зарычал Сергей. – Сейчас, не включая света, заведешь свою барбухайку и будешь напряженно ждать команды. Запомни, напряженно! И как только она поступит, во всю прыть несешься вниз. Вот тогда фары включи обязательно.

Баринов не просто так акцентировал внимание на этом моменте, вполне резонно опасаясь, как бы недалекий водитель не догадался, соблюдая уже никому не нужную конспирацию, без света рвануть в деревню. Для полного счастья Сергею не хватало только разбитой машины.

– Тебя встретит Бородулин. Для ориентира подсветит фонариком. Ты хоть помнишь дом, который тебе показывали?

– Помню, – отозвалась радиостанция голосом Галимова.

– Тогда не вздумай спать и жди команды. Отбой.

Сергей сознательно не стал ничего выговаривать водителю. Когда все закончится, будет и кнут, и пряник, в зависимости от вклада каждого. Впрочем, как показывал опыт, не судят только победителей. А вот в случае неудачи достается всем без разбора. Но, как правило, при любом раскладе обычно награждают не причастных и наказывают невиновных.

Однако подходило время активных действий, и вместе с окурком отбросив посторонние мысли, опер, побряхтывая, поднялся. Размял затекшие от долгого сидения в неудобной позе мышцы ног и, повернувшись к участковому, включил фонарь:

– Ну веди, что ли. А то я как-то потерялся...

К нужному дому они вышли неожиданно быстро. По-видимому, Бородулин не соврал, что, несмотря на кромешную тьму, сумел определиться с положением в пространстве.

Они испуганно замерли, когда вдруг оглушительно завизжала расхлябанная калитка.

– Слушай, а почему собаки не лают? Неужели в деревне ни одной нет? – переведя дух, еле слышно спросил Баринов.

– Сам удивляюсь, – так же тихо ответил участковый, напряженно вглядываясь в глубину двора. Фонари милиционеры из предосторожности выключили. – Ну что, дальше пошли?

– Пойдем. – Сергей вытащил из кобуры пистолет и сдвинул предохранитель вниз.

Дверь в сени оказалась открытой, что, впрочем, неудивительно для патриархального уклада деревенской жизни. Воровать-то все равно нечего.

Просочившись на цыпочках в сени, Баринов все же решился включить фонарь. Жиденький луч осветил торчащие из дверного проема, ведущего в комнату, ноги, обутые в стоптанные валенки. И тут же волной накатил тяжелый, застоявшийся запах крови.

Сергей посветил на участкового, вставшего в шаге от него. Закаменевшее лицо Бородулина побелело.

– Влипши, – пророчески изрек Баринов, вздрогнув от звука собственного голоса. – Вот мокрухи мне сейчас только и не хватало.

Второй труп они обнаружили в комнате, наполовину перегородженной беленой известью русской печью. Сгорбленный старик сидел на табуретке, привалившись спиной к стене. Его руки плетями повисли вдоль тела, пальцы скрючило судорогой, голова запрокинулась. Закатившиеся глаза жутко поблескивали белками в щелях между неплотно сомкнутыми веками, а лицо изуродовала гримаса ужаса.

Сергей, за годы службы навидавшийся всяческих мертвецов, в том числе и самых жутких – обгорелых, быстро сумел взять себя в руки. С каким-то мрачным удовлетворением отметил, что нехорошее предчувствие, томившее его с прошлой ночи, не обмануло. В районе солнечного сплетения вновь стал нарастать ледяной ком. Но закаленная психика, если и не полностью справилась с истерическими проявлениями, то загнала их глубоко внутрь подсознания. Баринов шумно выдохнул, отключая эмоции, и приготовился к работе.

Первым делом ему нужно было привести в порядок напарника. Бородулин выглядел совсем плохо. Остекленевший взгляд младшего лейтенанта уперся в мертвого деда, а правая ладонь плотно зажимала рот.

– Эй, боец! – намеренно грубо окликнул Сергей участкового. – Ты мне еще наблюдай здесь, порадуй криминалистов. Мертвяка, что ли, впервые видишь?

Бородулина передернуло. Он судорожно глотнул, с трудом давя рвотный позыв, но руку ото рта все же убрал.

– Я их с детства жуть как боюсь, – с трудом справляясь с прыгающими губами, дрожащим голосом ответил Василий.

Баринов только фыркнул в ответ:

– Живых лучше бойся. Эти уже безобидные... А вот куда делся тот, кто их умертвил, большой вопрос...

Опер провел лучом фонаря по комнате. Прищурил один глаз, что-то прикидывая про себя, затем спросил:

– Вася, ты свою рогатку, случаем, не потерял?

– На месте. – Участковый инстинктивно ухватился за прикрытую полый плаща кобуру на брючном ремне.

– Тогда доставай, приводи наган в боевую готовность и прикрывай меня сзади... И еще: теперь нужен свет. Как можно больше света. Придумай-ка по-шустрому что-нибудь.

Получив конкретную задачу, Бородулин наконец вышел из ступора. Сергей, пристально изучавший труп деда и убравший свой «ПМ», чтобы не мешал, в кобуру, услышал за спиной характерный щелчок затвора, досылавшего патрон в патронник.

«Пусть делом займется. А то со страху, того и гляди, в обморок брякнется. Наберут детей в армию...» – раздраженно думал Баринов, до рези напрягая зрение, чтобы рассмотреть мельчайшие детали в меркнушем луче фонаря.

Пока участковый, пытаясь найти хоть какой-нибудь источник света, громыхал в соседнем помещении, так как электричества в деревне отродясь не водилось, заодно окончательно разрушая первоначальную картину преступления, Сергей успел осмотреть оба трупа.

Несмотря на витающий в воздухе сладковатый запах, ожидаемых кровавых луж не было. Тело хозяйки кто-то пытался втащить в комнату, но бросил на пороге. Оно так и осталось лежать с вытянутыми вперед руками.

Кожа трупа поражала неестественной белизной. С такой бледностью у мертвецов Баринов никогда еще не встречался, но лишними загадками забивать себе голову не стал. В конце концов, при скудном освещении могло и показаться. Подобные странности – епархия медиков, пусть они и разбираются.

Еще раз, чуть ли не касаясь носом трупа, Сергей осмотрел деда в поисках хоть каких-нибудь повреждений – и нашел, что так упорно искал. За ухом, под редкими седыми волосами, притаились две неприметные дырочки. Баринов сумел разглядеть их только благодаря ореолу из запекшихся микроскопических капелек крови, словно черной тушью нанесенных на беломраморную кожу.

Сергей вернулся ко второму телу. Не задумываясь, отодвинул волосы и обнаружил такие же, как у старика, проколы, только уже без следов крови.

«Так что же это получается? Они что, от укусов погибли, что ли? Стало быть, несчастный случай? – напряженно размышлял, столбом застыв в середине комнаты, Сергей. – И кто же их тогда покусал?.. Змея?.. Цапнула, сволочь, стариков и сейчас спит себе спокойненько, свернувшись где-нибудь в укромном углу...»

От перспективы нечаянной встречи с ядовитой рептилией у Баринова побежали мурашки по спине. Он отчаянно заорал:

– Вася!!! Ты долго еще возиться будешь?! Когда, в конце концов, будет свет?!

– Иду уже, иду, – озабоченно отозвался участковый. По комнате побежали тени, и резкая вонь керосина перебила сладковатый запах смерти.

...Сколько раз Сергей убеждался в правильности поговорки: «Пришла беда – отворяй ворота». Если сразу все пошло наперекосяк, как правило, дальше будет только хуже.

Не в меру любопытный Галимов, несмотря на категорический приказ оставаться в машине, после того как подъедет к дому, сунулся во двор. В кромешной тьме он провалился в узкую, глубокую дренажную канаву и сломал ногу.

Когда оглушенные душераздирающими воплями опер с участковым выскочили из дома, водитель, обхватив руками правую лодыжку, катался по земле, вереща будто кастрируемый поросенок. Кое-как затащив несчастного азиата внутрь, они с грехом пополам пристроили его на расшатанном кухонном столе. Закатав на ногу Галимова штанину, Сергей сразу понял –

дело совсем плохо. Нога ниже колена безобразно раздулась, синяя на глазах, а сломанная кость откровенно бугрила кожу.

– Ну, куда же тебя, баран, понесло? – в отчаянии простонал Баринов. – Русским ведь языком сказал – сиди на месте. Мало мне своих проблем, так теперь за тебя отписывайся... Вася, я тут вроде дровяной сарай заметил. Будь другом, слетай, подбери пару деревяшек для шины. Только побыстрее.

Не прошло и минуты, как Бородулин с вытупленными глазами ворвался обратно.

– Серега! Хватай лампу и беги за мной!

– Ну что опять случилось? – Баринов почувствовал, что ему уже становится нехорошо от сыплющихся как из рога изобилия сюрпризов.

– Давай, давай! Я покажу! – Участковый приплясывал на месте от нетерпения.

– Подождешь? – повернулся Сергей к водителю. – Я мигом. Заодно «Скорую» попробую из машины вызвать. – Галимов молча кивнул. Его искаженное от нещуточной боли смуглое лицо лоснилось от пота.

Во дворе, шагах в пятнадцать от входа, возле покосившейся будки распласталась крупная дворняга. В оставшихся открытыми после смерти, остекленевших собачьих глазах отразился свет лампы.

– Так ты что, ради этого меня выдернул? – раздраженно бросил Баринов.

– Правее, правее смотри. – Голос Бородулина напряженно вибрировал.

Опер неторопливо повернулся и увидел сразу за будкой, возле полурассыпавшейся поленницы, лежащее в траве тело.

– Так, еще один, – отрешенно констатировал Сергей. – Ну, чего встал столбом? Пошли уже смотреть.

«Точно какую-нибудь заразу подхватил. Теперь перчатки на любой выезд брать буду». – Баринов, присев на корточки, перевернул труп с живота на спину. Преодолевая брезгливость, на всякий случай дотронулся средним пальцем до артерии на шее и с удивлением нащупал едва пробивающийся сквозь ледяную кожу нитевидный пульс. Резко отдернул руку. Бородулин, стоявший с лампой за спиной и не ожидавший резкого движения, испуганно отскочил назад.

– Он жив! – воскликнул Сергей. – Помоги!

Подхватив бесчувственное тело за руки, за ноги, опер с участковым заволокли его в дом и оставили на полу, рядом со столом, на котором корчился от боли водитель.

Подрагивающими руками Баринов достал сигареты, протянул пачку Бородулину. Они молча закурили. Бессмысленно блуждающий взгляд Сергея остановился на лице найденного во дворе человека.

– Охренеть, Василий, – неподдельно поразился опер. – Ты не поверишь. Это же Кувалдин.

– Как Кувалдин? – Поперхнувшийся табачным дымом участковый едва не выронил сигарету – Так что же получается, это не он хозяев порешил? А тогда кто?

– Не знаю, – глухо ответил Сергей.

Он решил пока не делиться догадками о причине гибели стариков. Участковый и так не в своей тарелке, не дай бог запаникует.

– Короче, – опер бросил окурок на пол и раздавил его ногой. – Дуй до сарая, принеси, наконец, палки. Джигиту давно пора шину наложить. А я посмотрю, что с этим, – Баринов кивнул на неподвижного Кувалдина. – Только я тебя умоляю! – крикнул он в спину участковому. – Не находи больше никого!

Отсылая Бородулина, Сергей не столько заботился о водителе, сколько хотел без свидетелей – занятого сломанной ногой Галимова он в расчет не брал – проверить свою безумную догадку.

Как только Василий скрылся за дверью, Баринов схватил лампу, так как от фонарика уже не было никакого толку, и склонился над Кувалдиным. Приподняв голову, внимательно осмотрел его шею – и вскоре под самым срезом волос на затылке нашел два знакомых отверстия с бурой каймой вокруг них. Кувалда на манипуляции опера никак не реагировал. Сергей не был даже уверен, жив ли он или уже испустил дух.

Когда вернулся Бородулин, Баринов успокаивал причитавшего тонким голосом водителя. При помощи участкового он зафиксировал изувеченную лодыжку и попытался поставить на место выпирающую кость, но Галимов взвыл от боли на всю деревню.

– Вася, – Сергей скривился от ударившего по ушам крика, – пошукай вокруг: может, где анестезию найдешь?

Участковый с ходу уловил намек Баринова и, ведомый безошибочным чутьем, извлек из дальнего угла трехлитровую бутылку, заткнутую вялой кочерыжкой. Чуть погодя нашел и захватанный стакан. Сергей выдернул импровизированную пробку, осторожно понюхал и непроизвольно передернулся от шибанувшего в нос густого сивушного духа.

– Угадал? – поинтересовался Бородулин.

– То, что нужно, – оттопырил большой палец опер, – подставляй стакан.

Баринов приподнял Галимова и поддерживал под спину, пока тот, одной рукой размазывая слезы по лицу, другой заливал в себя самогонку. Когда стакан опустел, Сергей участливо спросил:

– Еще?

Водитель отрицательно помотал головой, и Баринов осторожно опустил его на место.

– Ну как, легчает? – заглянул в выражающие страдание глаза Галимова опер.

– Вроде, – заплетающимся языком ответил водитель.

– Будешь? – Сергей протянул стакан участковому.

– Я похож на самоубийцу? – открестился тот.

Баринов почесал в затылке, прислушиваясь к своему организму.

– Пожалуй, тоже воздержусь. Присмотри пока здесь, а я пойду попробую с отделом связаться.

Вернулся опер мрачнее тучи, со злостью пнул подвернувшуюся под ногу табуретку, и та с грохотом отлетела к стене. Две пары глаз с удивлением и страхом уставились на него.

– Зачем мебель крушишь? – несмело поинтересовался участковый.

Сергей поднял табуретку и, тяжело на нее опустившись, мрачно ответил:

– Связи нет. На гору подниматься нужно, и то не факт... – Он помолчал. – Вася, как далеко находится ближайший врач? Или телефон.

Бородулин задумчиво посмотрел в потолок.

– Лесопилка большая километрах в двадцати. Там есть и телефон, и медпункт.

Сергей прикрыл глаза, вспоминая.

– Ага, точно. Мы в прошлом году в те места на охоту ездили. Найду дорогу.

– Ты о чем? – не понял участковый.

– Все о том же. – Опер угрюмо сгорбился на табуретке. – За помощью ехать надо. Попали мы с тобой, как куры в ошип. Я бы с радостью здесь остался, только ты, боюсь, с машиной не справишься. Не дай бог в лесу заглохнет, тогда все, кранты. Пешком будешь выбираться.

– А ты как же? – откровенно занервничал Бородулин.

– Эта колымага раньше у нас в розыске была. Со всеми ее примочками пришлось столкнуться, – терпеливо, как ребенку, стал растолковывать участковому опер.

– Так ты чего, серьезно меня одного бросить хочешь? – По лицу Бородулина разлилась нездоровая бледность.

– Нет! Мы с тобой здесь навечно прописались!!! – неожиданно заорал Баринов. – Ты мужик, в конце концов, или как?! Скулит, понимаешь, как баба!

– Серега, а может, еще что-нибудь придумаем? – не обращая внимания на крик, продолжал слезно канючить участковый.

– Думал, – уже спокойно ответил опер. – У нас пострадавшие, причем один серьезно. – Он ткнул пальцем в Кувалдина. – Срочно нужен врач, а наши, в лучшем случае, часа через четыре доберутся. А с ними еще и связаться нужно... – Баринов достал сигарету, вторую кинул Бородулину. – Или ты сможешь оказать им квалифицированную помощь? – ядовито поинтересовался опер.

Василий обреченно развел руками.

– Вот и я про то, – вздохнул Сергей. – Решено. На горку поднимусь, попробую с дежурным связаться. Если не получится, тогда уже придется пилить до первого телефона.

Баринов развернулся и в одиночестве вышел на крыльцо. Поднес к глазам левое запястье и всмотрелся в циферблат часов. Изумрудно фосфоресцирующие стрелки наручных часов показывали начало четвертого. Под утро небо затянула серая облачная пелена, скрывшая звезды. Лишь слегка светлеющая полоска на востоке показывала, где еще глубоко под горизонтом прячется дневное светило.

Сергей с хрустом потянулся и протяжно зевнул. И в этот момент от будки послышался слабый шорох. Опер насторожился и в том месте, где лежала мертвая собака, заметил плотную тень.

– Эй, кто там еще трется? – напряженным голосом окликнул Сергей.

Тень шевельнулась, но не издала ни звука. Баринов вытянул из кармана фонарик, щелкнул выключателем, но волосок лампочки еле тлел, а последний рабочий фонарь остался в машине. Однако путь к «уазику» лежал как раз мимо будки.

Сергей дернулся было обратно в дом за лампой, но в последнюю секунду передумал. Вынул из кобуры пистолет, на всякий случай опустил предохранитель и взвел курок. Отлично слышные в тишине характерные металлические щелчки должны были показать тому, кто скрывался в темноте, серьезность намерений опера.

– Медленно подойди. И без глупостей, – подпустил металла в голос Сергей. – Имей в виду, в случае чего стреляю без предупреждения!

Тень сразу выросла в размерах, словно во весь рост поднялся присевший человек, одетый в просторный черный плащ. Вдруг, внезапно зашипев, как лопнувший воздуховод высокого давления, сгусток мрака стремительно полетел на Баринова.

Инстинкты опера сработали без участия сознания. Судорожно сокращаясь, указательный палец стал рвать спусковой крючок. Сергей даже не успел сообразить, что куцый ствол «макарова» слишком сильно клюет вниз, так стремительно все случилось. Впрочем, на расстоянии в несколько метров промахнуться было практически невозможно.

Оранжевые вспышки выстрелов с частотой стробоскопа подсвечивали цель, после чего становилось еще темнее. После четвертого, произведенного практически в упор, нападавший резко изменил траекторию движения. Зацепившись за балясину, поддерживающую козырек над крыльцом, да так, что, опасно затрещав, содрогнулась вся хлипкая конструкция, он нырнул за угол и бесследно растворился в темноте.

Сергей обессиленно привалился к двери, ощущая, как мелко дрожат колени, а по лицу струится ледяной пот. Между первым и последним выстрелами уместилось от силы секунд пятнадцать, но ему казалось, что минула целая вечность.

Привели Баринова в себя сильные толчки входной двери в спину. Это ему на помощь рвался Бородулин. Сергей отступил в сторону, и участковый, едва удержавшись на ногах, со всего маху вылетел наружу, держа в левой руке лампу, а в правой пистолет. Опер едва успел поймать его за полу плаща. Василий резво развернулся, при этом однозначно выбил бы Бариннову глаз стволом, не успей Сергей вовремя отклониться назад.

– Да стой же ты, черт оглашенный! Я это, я... – Опер как следует встряхнул перевозбужденного коллегу.

– Серега, ты?! – заполошно заорал участковый. – Тьфу ты, мать твою за ногу! Перепугал до смерти. Что случилось? В кого палил?

Не отвечая, Баринов забрал у Василия лампу и, подсвечивая дорогу, пошел к будке. Участковый шумно потопал следом.

Кто-то попытался отделить голову от уже застывшего тела дворняги. Разорванная шкура на шее обнажала мышечные связки. По-видимому, Сергей вмешался в самом начале процесса расчленения тела пса.

Что-то в этом кошмарном зрелище было не то; какая-то мысль беспокоила Баринова, но он никак не мог ухватить ее за хвост. Не давали сосредоточиться причитания участкового.

– Заглохни! – рявкнул Сергей на Бородулина, и тот послушно стих.

В этот момент Баринова осенило. Он понял, чего не хватало для полноты картины – нигде не было крови. Ни возле трупов, ни рядом с Кувалдиным, ни около мертвой собаки, которой к тому же пытались оторвать голову, он не увидел ни одной капли.

И в черного, Сергей мог поклясться, он попал как минимум два раза. Да, «макаровская» пуля не обладает мощным останавливающим действием, она шьет навывлет, особенно с близкого расстояния. Но тогда крови из ран должно быть еще больше, а Баринов чуть ли не носом по земле проследил весь путь до дома. Заглянул за угол, внимательнейшим образом обследовал растрескавшуюся бетонную отмостку и не нашел никаких следов, словно он стрелял в призрака. Однако Сергей отлично помнил, как темная фигура чуть не снесла подпорку козырька. А привидения по идее должны быть бесплотными.

Бородулин следовал за опером по пятам, как привязанный. Когда вышли к машине, Баринов отдал ему лампу, а сам, забравшись в кабину, завел двигатель, осветил дорогу фарами и вылез обратно, дожидаясь, пока прогреется мотор.

Тут участковый и задал вопрос, который с самого начала беспокоил опера:

– Слушай, Серега, как думаешь, а почему соседи не всполошились? Ты тут такой тарарам устроил, а им хоть бы хны.

– Вот это мне больше всего и не нравится, – мрачно ответил Баринов. – Поэтому и ехать отсюда нужно как можно быстрее.

Баринов поставил ненужную теперь лампу на капот. Они закурили, и участковый опять завел старую пластинку:

– Так ты мне все-таки скажешь, в кого стрелял?

– Не знаю, – не сразу ответил Сергей. – Кто-то кинулся, я в темноте не разобрал.

– Человек, животное? Кто это был-то? – не унимался Василий.

– Сказал, не знаю, – начал раздражаться Баринов. – Тут вообще непонятно что творится. Вот группа приедет, и будем разбираться... А теперь действуем так – я жду, пока ты войдешь в дом и закроешься. Желательно забаррикадируйся какими-нибудь подручными средствами – скамейками, скажем, или стульями. Если вдруг станут ломиться неизвестные, стреляй сразу, не думай. Понял?

– А если это будут местные? – Голос Бородулина предательски дрогнул.

– Ну, тогда разок пальни над головами, что ли. Если не разбегутся, бей на поражение... Надеюсь, – Сергей суеверно трижды плюнул через левое плечо, – все же до этого не дойдет.

Баринов отдал участковому пачку сигарет из своего запаса. Затем, поколебавшись, достал запасную обойму и тоже сунул в ладонь Бородулину.

– Так, на всякий случай. Мне в дороге ни к чему. Только умоляю, не потеряй.

Василий, не задавая лишних вопросов, сунул обойму в карман плаща.

– Давай, осторожнее. Постарайся не спать. – Сергей крепко сжал вялую, неприятно липкую ладонь участкового, а когда за ним захлопнулась дверь, прыгнул на сиденье, со скрежетом воткнул передачу и надавил на педаль газа.

Глава 3

Из огня, да в полымя...

13 августа 1989 года. Раннее утро.

Ленинградская область.

Лесоперерабатывающее предприятие

Рев двигателя безжалостно рвал хрупкую тишину еще не проснувшегося леса. Сергей торопился, выжимая из машины все, на что она была способна. Но двигаться по разбитой проселочной дороге со скоростью быстрее сорока километров в час никак не получалось. «УАЗ» швыряло, заносило, руль так и норовил вырваться из рук. Щетки не справлялись с фонтанами грязной воды, выбиваемой колесами из колеи.

На преодоление жалкого десятка километров у Сергея ушло минут сорок. Три раза он садился на брюхо и чудом, только благодаря поразительной проходимости шедевра отечественного автопрома, выскакивал из коварных, до краев заполненных жидкой грязью промоин.

Мелькание теснившихся вплотную к обочине деревьев внезапно оборвалось, и дорога выскочила на бескрайний, вдоль и поперек перепаханый лесовозами пустырь. «Уазик», переваливаясь с боку на бок на оплывших земляных гребнях, натужно подвывая, устремился к конечной точке маршрута – высоченному бетонному забору, прорезанному огромными, когда-то ярко-зелеными, металлическими воротами. Горевшие по его периметру фонари уже терялись на фоне наливающегося утренней синевой неба.

Возле самых ворот, рядом с дверью для входа работников предприятия, украшенной облупившейся табличкой: «Пост охраны. Предъявлять пропуск в развернутом виде» имелась небольшая, относительно чистая площадка.

Баринов загнал машину на ее середину и выключил зажигание. Двигатель, напоследок конвульсивно забившись от остаточной детонации, остановился. В наступившей звенящей тишине Сергею на секунду показалось, что заложило уши.

Он устало потер лицо подрагивающими от напряжения пальцами и немного посидел, откинувшись на спинку сиденья, ощущая, как затихает внутри вибрация от движения. А когда открыл дверцу и неловко выпрыгнул из машины, под ногами чавкнуло. Холодные брызги неожиданно и неприятно ударили в лицо. У Сергея не осталось сил даже выругаться, и он просто размазал мутные капли по лбу и щекам.

Звонок, нелепым прыщом торчавший из бугристого бетона стены, как водится, не работал. Сергей надавил на кнопку, и она, скрежетнув сломанной внутри пружинкой, провалилась под пальцем.

«Эх, Россия...» – Баринов в сердцах влупил ребром ладони по камню.

Этот, в сущности, безобидный эпизод, который в иной ситуации не вызвал бы ничего, кроме улыбки или в крайнем случае легкой досады, разозлил опера. Кровь горячей волной ударила в голову. Сергей до хруста сжал кулаки, с хрипом втянул в себя воздух и зажмурился. Из коричневых, с ярко-зеленой каймой пятен, поплывших перед глазами, вылепилась картина: застывший в дверном проеме Вася Бородулин, бережно, как самый дорогой подарок, прижимающий к груди стиснутую в кулаке обойму.

... Толстые доски податливо прогибались под мощными ударами ноги. Сама дверь вверх-вниз скакала в косяке, уже готовая сдаться и, сорвавшись с петель, улететь внутрь. Баринов, раз за разом со всего маху впечатывая подошву кроссовка в дверное полотно, получал от этого острое, почти сексуальное наслаждение.

Сергей так увлекся, что даже почувствовал разочарование, когда из-за двери донесся хриплый со сна, крайне недовольный и слегка встревоженный голос:

– Ты что же это творишь, гад такой? А ну, прекрати немедленно! Чего тебе надо?

– Бегом открывай, тетеря сонная! Телефон нужен! – Баринов попытался произнести это грозно, но голос сорвался, и он в конце фразы дал петуха.

Человек за дверью набрался уверенности и еще большего недовольства:

– Тебе здесь не переговорный пункт! – заявил он. – Глаза разуй! Частная собственность, понял? А бузить будешь, ментов кликну, и тогда тебе мало не покажется!

Сергей, окончательно потеряв терпение, озверел.

– Я и есть милиция, идиот пустоголовый!

На этот раз в двери открылось круглое отверстие, которое заполнил мутный похмельный глаз. Увиденное глазу не понравилось. Он несколько раз моргнул и пропал, но смотровое отверстие против ожидания не захлопнулось, а голос за дверью зазвучал надменно и даже с насмешкой:

– Ты на себя сначала в зеркало глянь, милиция... Пошел отседова, бомжила хренова. Не то сейчас собак спущу...

Вспышка бешенства выжгла у Сергея остатки разума. Тело, казалось, потеряло вес. Он перестал адекватно воспринимать окружающее и слышал только грохот крови в собственных ушах.

Хищно лязгнул взведенный затвор, загнавший в патронник золотистый цилиндр, увенчанный туполобой пулей. Черный зрачок ствола, внезапно появившийся в смотровом отверстии, моментально ввел ошалевшего охранника в ступор.

Между тем вторая фаланга указательного пальца Сергея уперлась в прохладную сталь спускового крючка и привычно выбрала свободный ход. Какие защитные механизмы остановили движение за мгновение до рокового выстрела, Баринов так до конца и не понял. Просто вдруг рассеялась застывшая глаза кровавая пелена, и он с содроганием осознал, что секунду назад был готов ни за что ни про что пристрелить ни в чем не повинного человека.

Сергей медленно убрал палец за пределы защитной скобы и поставил пистолет на предохранитель, однако ствол из глазка вынимать не стал. Немая сцена заняла не меньше минуты и закончилась щелчком щеколды с другой стороны двери. Опер отработанным движением тут же распахнул дверь ногой, прыгнул в проем, сразу после приземления развернулся в сторону охранника и прицелился ему в грудь.

Изрядно потрепанный жизнью мужичок лет пятидесяти, стоявший в метре от Баринова, вжался в стену. Побелевшими от ужаса глазами он вылупился на опера, пытаясь что-то произнести прыгающими губами. Только с третьей попытки охранник кое-как справился с собой и смог издать членораздельные звуки:

– П-парень, т-ты чего?.. Н-не надо... Я все п-понял...

– Что ты п-понял? – зло передразнил его Сергей, не опуская оружия.

– Все! – До мужика дошло, что расправа откладывается, и страх в его глазах сменился собачьей преданностью.

– Ну, раз понял, тогда веди к телефону.

Гнев внутри Баринова осел, оставив после себя безучастность. Механически сунув пистолет в кобуру, Сергей поплелся за семенившим впереди охранником.

Неказистое двухэтажное здание лесоперерабатывающей конторы располагалось метрах в пятидесяти от забора. Удивительно, что мирно почивающий страж вообще услышал, как кто-то пытается вынести ворота.

Старинный телефонный аппарат с трубкой, стянутой синей изоляционной лентой, стоял на столе в небольшой будке, упирившейся треснутым витринным стеклом в облупившийся хром вертушки. Баринов, всунувшись вслед за охранником в тесное прокуренное помещение, куда вместе со столом умудрились воткнуть железную армейскую кровать с провисшей сеткой, с недоверием покосился на телефон.

– Работает? – нахмурившись, спросил он мужика.

– Так точно, – взял тот под козырек.

Сергей брезгливо, двумя пальцами поднял трубку и, услышав гудок в наушнике, стал накручивать расколотый, болтающийся на оси диск. Как ни странно, но с отделом он соединился с первого раза, учитывая, что до этого все попытки связаться по автомобильной радиостанции потерпели фиаско.

Дежурный, выслушав опера, было матюгнулся, но прикусил язык. С недавнего времени цивилизация в виде технического контроля добралась и до их глуши – все телефонные переговоры с пульта записывал магнитофон.

Майор предпенсионного возраста, попавший в дежурку из уголовного розыска, сразу смекнул, что дело пахнет жареным и нужно немедленно принимать меры.

– Держись, Серега. Я поднимаю руководство и направляю к тебе группу. Встречай... – В трубке запиликал сигнал отбоя.

Охранник, окончательно убедившись, что перед ним не бандит, а действительно представитель правоохранительных органов, так как показать ему удостоверение Сергей не удосужился, встал по стойке смирно, всем видом выражая готовность исполнить любую команду.

– Врача поблизости найти можно?

– Так точно. – Мужик в усердии выслужиться ел опера глазами. – Сразу за промзоной фельдшерица живет. Желтый дом, квартира семь. Проводить?

Баринов поднялся с расшатанного стула, с хрустом потянулся.

– Не нужно, сам разберусь. Ты лучше бензина семьдесят шестого литров двадцать организуй. Сможешь?

– Легко, – понимающе усмехнулся охранник.

Страж, дабы скорее избавиться от назойливого опера, добыл из заначки новенькую канистру и, наполнив ее из бака ближнего в линейке техники на площадке «ЗИЛа», сам заправил милицейскую машину. Сергей в благодарность хлопнул его по плечу, пожал вялую ладонь и отправился за врачом.

Фельдшер, а точнее, фельдшерица, проживала в двухэтажном деревянном доме барачного типа. В подъезде тошнотворно воняло плесенью и кошачьей мочой. По крутой лестнице Сергей поднялся наверх и подсветил зажигалкой номер квартиры. С тоской представив предстоящее объяснение, он заранее вытащил удостоверение из внутреннего кармана и, тяжело вздохнув, постучал.

Ждать, на удивление, пришлось недолго. За облупленной дверью послышались легкие шаги, отчетливо щелкнул выключатель. Воображение рисовало Сергею медработника в виде толстой тетки лет сорока пяти, с низким прокуренным голосом и испитым лицом. В соответствии с придуманным образом он сурово насупил, приготовившись услышать отказ в своей просьбе. Но опер в любом случае собирался идти до конца. Поэтому, когда дверь, скрипнув несмазанными петлями, распахнулась, Баринов, открыв рот, застыл в изумлении. На пороге стояла молодая хрупкая девушка в пушистом халатике.

– А... Мне бы... Здрате... Мне бы фельдшера... – с трудом управляясь с непослушным языком, проямлил Сергей.

Она серьезно, без удивления, смотрела на опера.

– Я вас слушаю. Что случилось?

Он наконец сообразил продемонстрировать удостоверение. После чего, взяв себя в руки, подробно изложил обстоятельства столь раннего визита.

13 августа 1989 года. 7 часов 40 минут.

Ленинградская область. Деревня Грызлово

В компании с симпатичной пассажиркой обратная дорога пролетела незаметно. Девчонка – а назвать фельдшерицу, которой едва исполнилось двадцать, по-другому не поворачивался

язык – еще не успела заразиться цинизмом, свойственным старшему поколению представителей самой гуманной профессии.

Ехать с Сергеем она согласилась без лишних вопросов, едва узнала суть дела. Баринов, пытаясь заглушить растущую внутри тревогу, чесал языком не замолкая, реально рискуя откусить его, когда машина скакала по ухабам.

Ольга, так представилась спутница, только улыбалась в ответ на эскапады опера. Но обострившаяся до предела интуиция подсказывала Сергею, что ей тоже не по себе.

Часы показывали без двадцати восемь, когда он остановил автомобиль на том же месте, откуда вместе с Бородулиным менее суток назад отправился на поимку Кувалды. Погода окончательно испортилась. Поднялся сырой ветер, нагнавший тяжелые, пропитанные водой тучи. Но дождь все никак не мог начаться, и с горы отлично просматривалась единственная деревенская улица.

Возле конечной точки маршрута, дома родственников Кувалдина, откровенно диссонировав с патриархальным пейзажем, по-хозяйски расположились две машины – черный «УАЗ» начальника уголовного розыска и синий «РАФ» городской прокуратуры.

Баринов с удивлением почесал в затылке:

– Ну, ни х... пардон... ни фига себе оперативность! Даже прокуратура прискакала. Вот бы так всегда работали... Сдается, Оля, зря я вас в такую даль потащил. Помощнички явились, не запылились.

Девушка, приподнявшаяся на сиденье и с интересом разглядывавшая открывшуюся панораму, ответила не задумываясь:

– А «Скорой» для больного что-то не видно; значит, не переживайте, не зря. Сомневаюсь я, что ваши товарищи сумеют оказать ему реальную медицинскую помощь.

Сергей, оценив справедливость замечания, сам себе скомандовал вслух:

– Погнали, – и направил капот машины в створ извилистой, круто обрывающейся вниз колеи.

Баринов остановил «уазик» в самом начале узкой улочки и, попросив Ольгу немного подождать, бодро потрусил к топтавшемуся у крыльца Коркину. Начальник отделения заметил его только возле распахнутой настежь калитки. Подчеркнуто радостно вскинул руки и пошел навстречу:

– О! Серега вернулся! Где ж ты пропадал? А мы уже совсем заждались.

Баринова сразу насторожила столь радушная встреча. Прекрасно зная характер шефа, Сергей скорее ожидал отборной матерщины, потому как Валерий Павлович, пользуясь статусом ветерана, предпочитал проводить субботний день на даче, а не на службе. А тут, того и гляди, целоваться полезет. Однако чувство облегчения от присутствия поддержки пересилило смутные подозрения, и Баринов смело двинулся навстречу.

– Слушай, Палыч, тут такое дело...

– Знаю, знаю, – перебил его Коркин, изо всех сил пытаясь выглядеть добродушно, только почему-то пряча глаза. – Ты мне лучше скажи, Сережа, где твое оружие?

– Как где? – изумился опер столь неуместному вопросу. – Где и положено, при мне.

– Покажешь? – фальшиво улыбнулся майор.

От приторно ласкового голоса начальника ему стало зябко, несмотря на влажную духоту. Баринов замешкался, но тут как из-под земли по бокам выросли два молодых лейтенанта, недавно пришедшие в отдел по распределению после окончания школы милиции. Эти бугаи, ничем выдающимися, кроме отменного физического здоровья, не отличавшиеся, почему-то сразу стали пользоваться неизменным расположением Коркина.

Уже понимая смысл происходящего и внутренне цепенея от абсурдности ситуации, Сергей медленно вытаскивал пистолет из кобуры и, перехватив левой рукой за ствол, протянул

начальнику. Тот нервно схватил «ПМ», выщелкнул обойму из рукоятки, передернул затвор, удаляя патрон из патронника, и пересчитав боеприпасы, понюхал срез.

– Стрелял?

– Стрелял. Я ж говорю, Палыч, тут...

– Понятно, – жестко перебил Коркин и кивнул одному из лейтенантов.

Через секунду Баринов с ужасом ощутил на запястьях холодную сталь наручников.

– Прости, Сергей, но поступить по-другому не имею права. – Коркин развернулся к нему спиной и крикнул кому-то невидимому: – Снимаемся! Здесь больше делать нечего! Разбираться будем на базе!

В ответ синхронно завелись двигатели «РАФа» и «УАЗа», на котором приехал Баринов. Сергея бугаи погрузили в «собачник» машины начальника. Он, находясь в шоке, совсем забыл про Ольгу.

За семь лет в уголовном розыске, дослужившись до должности старшего оперуполномоченного и звания капитана милиции, Баринов ни разу не ездил в отсеке для задержанных. Когда, с горем пополам, он устроился в узкой щели между салоном и задней дверью кузова, его посетила горькая мысль:

«Много бы дали ханурики за просмотр спектакля: зловредный Барин – так его за глаза окрестил подопечный контингент – в браслетах! Впрочем, судя по темпам развития событий, им еще предстоит насладиться подобным зрелищем... Где же Бородулин с Галимовым? Почему эти собаки мне ничего не сказали? Конспираторы хреновы».

Машину немилосердно бросало на неровной дороге, и Сергею скоро стало не до анализа ситуации. Несколько раз, с размаху приложившись сначала головой, а потом коленом, он сосредоточился на том, чтобы удержаться на узкой скамейке. Неудобства добавляли скованные руки.

Едва Баринов сумел кое-как закрепиться, как по ушам ударил длинный сигнал клаксона, и «УАЗ», клюнув носом, неожиданно встал как вкопанный. Сергея в момент экстренного торможения сначала прижало к перегородке, а потом по инерции бросило на дверь.

– Вы там совсем охренели, козлы! – заорал он, больно воткнувшись локтем в грубо сваренную решетку на грязном оконце, и тут же захлебнулся, услышав хлопки выстрелов.

Пока Сергей, притихнув, пытался понять, что происходит снаружи, стрельба оборвалась так же внезапно, как и началась. Вместо нее доносились глухие отзвуки непонятной возни и придушенные хрипы. И тут, коротко скрежетнув плохо смазанными петлями, распахнулась дверь «собачника». Как только в проеме показался темный силуэт, Баринов, не дожидаясь дальнейшего развития событий, изо всех сил ударил в него обеими ногами.

Противник сразу исчез, а Сергей выпрыгнул следом. Высокий человек, с ног до головы закутанный в черное, возился в дорожном песке, пытаясь подняться. Опер, не давая незнакомцу прийти в себя, с ходу рубанул его по голове голенью правой ноги. Взвилась и улетела в сторону тряпка, скрывающая лицо, а тяжелое тело с глухим стуком опрокинулось навзничь.

Баринов на секунду застыл, но неподвижная фигура в пыли не подавала признаков жизни. Тогда Сергей ужом скользнул к правому заднему крылу машины и осторожно выглянул. Водительская дверь была открыта настежь. Из салона свешивалось тело одного из лейтенантов, а его пистолет лежал под колесом. Баринов рванулся вперед, на ходу подхватывая оружие.

И тут обнаружился второй нападавший, прилипший к откинувшемуся на переднем пассажирском сиденье Коркину. Сергей, не задумываясь, вскинул «ПМ», совместил мушку с целиком точно по центру черной головы и плавно нажал на спусковой крючок.

Грохот выстрела не сумел заглушить сочного шлепка. Существо дернулось, зашипело, как проткнутая гвоздем крышка, и проворно метнулось в лес. Баринов успел послать ему вслед еще две пули, прежде чем кончились патроны и затвор отскочил в крайнее заднее положение...

Первым делом Сергей, отстегнув ключ с пояса лейтенанта и попутно убедившись, что тот мертвее мертвого, избавился от наручников. Затем, вытащив у него же запасную обойму, перезарядил оружие и, держа его на изготовку, направился к задней двери машины.

С распростертым на дороге телом было что-то не так. Баринов осторожно подошел, прикоснулся к нему носком кроссовки и застыл в изумлении. Внутри провалившейся внутрь одежды, четко повторяющей силуэт человека, никого не было.

Сергей, теряя способность удивляться, присел рядом и стволом пистолета пошевелил тряпки. Грубый балахон вместо мертвой плоти наполнял странный серый порошок. Баринов нерешительно дотронулся до него пальцем и вдруг сообразил, что это пепел.

Окончательно запутавшись, он обхватил голову руками и, мерно покачиваясь, отстраненно размышлял: «Что же, в конце концов, происходит? Чертовщина какая-то... Я ж тому уроду в машине с двух метров башку навывлет прострелил как мишень в тире... А он как ни в чем не бывало ускакал перепуганным зайцем. Этот второй – так вообще сгорел, понимаешь, на работе... Палыч, волчара битая-перебитая, верно спинным мозгом неладное почуял. Потому-то и сорвался отсюда как угорелый. А меня, видать, решил на всякий случай крайним сделать. Только вот не успел... – Массируя пульсирующие жгучей болью виски, Сергей мучительно вспоминал:

– Что-то я упустил из виду, что-то проворонил... е-мое! – Он звонко хлопнул себя по лбу. – Они ж, кретины, в деревне Ольгу забыли! К бабке не ходи, на произвол судьбы бросили!

Тут же забыв о головной боли, Сергей подхватился как подпаленный. Особо не церемонясь, вывалил из салона машины трупы Коркина и лейтенанта, сложил их на обочине, а оружие и удостоверения небрежно бросил на заднее сиденье. Для очистки совести попытался связаться по радиостанции с отделом, а затем с прокурорским «РАФом». Однако в эфире лишь равнодушно трещали помехи. Тогда Баринов плюнул, завел заглухший во время нападения «уазик», развернулся и помчался обратно в злополучную деревню.

13 августа 1989 года. 10 часов 10 минут.

Ленинградская область.

Деревня Грызлово

Машину прокуратуры он увидел метров за пятьсот от первых домов. Перегородивший дорогу «РАФ» уткнулся смятым бампером в кривую березу. Баринов выругался и вслух спросил сам себя:

– Интересно, на будущем разборе полетов этих тоже на меня повесят?

Сергей осторожно объехал микроавтобус по обочине и остановился, не глуша двигатель. Не выходя из машины, провел ревизию имеющегося арсенала. В результате несложных подсчетов выяснилось, что у него имеется три пистолета – собственный, лейтенанта и Коркина, а к ним четыре обоймы. Три полностью снаряженных и одна с пятью патронами. Итого двадцать девять выстрелов. Судя по складывающейся ситуации – негусто. «Калашников» с полным боекомплектом тут явно пришелся бы кстати.

С другой стороны, как он убедился, неизвестным тварям, которые без зазрения совести убивали его коллег, пули не наносили особого урона. Но с оружием Баринов все же чувствовал себя увереннее.

На всякий случай отслеживая обстановку боковым зрением, Сергей разрядил пистолет начальника и бросил его под сиденье, а полные обоймы засунул в левый боковой карман джинсов, чтобы в случае чего были под рукой. Личный «ПМ» оставил в кобуре, а если что, решил использовать новенький, недавно выданный лейтенанту.

Настроившись на худшее, Баринов пригнулся и, на цыпочках подбежав к «РАФу» со стороны настежь распахнутой боковой пассажирской двери, прижался спиной к прохладному металлу. Прислушался и, собравшись с духом, резко развернулся, с ходу запрыгивая в салон. Ухватив «макарова» двумя руками, Сергей судорожно тыкал стволом туда, где, по его мнению,

мог спрятаться неведомый неприятель. Но все приготовления к схватке оказались напрасными, машина была пуста.

Баринов опустил на краешек сиденья, унимая мелкую дрожь, вызванную чудовищным выплеском адреналина, и теперь уже осмысленно осмотрелся. Открывшаяся картина не внушила ему оптимизма.

Смутно знакомая – сразу и не вспомнить хозяйку – растерзанная дамская сумочка на полу. Раздавленный градусник, вывалившийся из лежащего на боку баула с красным крестом на крышке. Монтировка, которой, судя по всему, безуспешно пытались обороняться.

«В салоне были как минимум трое, – прикинул Сергей, – следователь, судмедэксперт и водила. Только вот куда они могли подеваться?.. Похитили?.. Кто?.. Зачем?.. Бред какой-то...»

Баринов мучительно напрягал мозги, пытаясь сообразить, что же за напасть могла завестись в забытом Богом и людьми медвежьем углу. Так и не сумев придумать ничего путного, он машинально поднял сумочку и обнаружил в ней, помимо косметики, мобильного телефона с расколотым дисплеем, бордовое удостоверение, на вкладыше которого значилось: «Старший следователь, советник юстиции третьего ранга, Сенина Марина Владимировна».

«Тебя-то, Мариночка, зачем сюда понесло?» – горестно вздохнул Баринов.

Эффектная тридцатипятилетняя разведенная блондинка являлась достопримечательностью местной прокуратуры. Сергей, в числе многих, когда-то пытался строить ей глазки, но дальше милой улыбки в ответ дело не пошло. Марина Владимировна предпочитала проводить свободное время с более состоятельными гражданами, нежели с нищим провинциальным оперком.

Еще раз вздохнув, Сергей бросил сумочку обратно на пол, сунул удостоверение в задний карман и выбрался из машины. Вокруг стояла неестественная, ватная тишина серого пасмурного дня, нарушаемая только сбивчивым тархтением двигателя «уазика». Пристроив на ходу пистолет за пояс – совсем не лучшее решение, но из кармана выдергивать сложнее, – Баринов забрался в свой автомобиль и тронулся на поиски Ольги.

Деревня, в которую он вскоре въехал, словно вымерла. На улице не было видно ни людей, ни домашних животных, что совсем не радовало Сергея, пока старавшегося гнать от себя самые мрачные предположения. Не мудрствуя лукаво, опер направился напрямик к злополучному дому, с которого все началось.

Еще не развеялся пыльный хвост за машиной, а Баринов уже стрелой пронесся сквозь призывно распахнутую калитку и сумрачные сени. Влетев в комнату, он с трудом удержался на ногах, как на роликах прокатившись подошвой по чему-то круглому и твердому. Сергей наклонился и подхватил с затоптанных половиц смятую гильзу, поднес ее к лицу, втянув ноздрями острый душок сгоревшего пороха. Оглянулся на дверь и увидел не замеченные сразу пулевые отверстия.

Ощущая, как вдоль хребта побежал холодок, Баринов разжал пальцы, выпуская тонко звякнувшую о доски пола гильзу. Судорожно стиснув рубчатую рукоять «макарова» за поясом, начал медленно поворачиваться вокруг своей оси, обшаривая взглядом скудную обстановку. И тут его ждало очередное потрясение.

В дальнем, самом темном углу, привалившись боком к старинному комоду, съезжившись, будто в ожидании удара, на корточках сидела Ольга. В ее широко раскрытых, наполненных слезами глазах был дикий ужас.

Баринов бросился к девушке, упал рядом на колени, крепко обхватил за плечи и повернул лицом к себе.

– Оля, смотри на меня... Это я, Сергей... Что случилось? Кто тебя напугал?

Ольга молча протянула руку и заметно дрожащим пальцем указала за спину опера.

Баринов вывернул шею, оглядываясь, но ничего толком рассмотреть не сумел. Тогда, отпустив девушку, так и не вставая с колен, развернулся всем телом. В жиденьком свете,

сочившемся сквозь подслеповатое оконце, лежавший на спине под высоко поднятой на ржавых железных ножках кроватью дед выглядел умиротворенно и совсем на первый взгляд не страшно.

На секунду Сергей даже испытал облегчение. «Тьфу ты, невидаль. Подумаешь, покойника испугалась. С кем не бывает?» – мелькнуло у него в голове. Но ему тут же стала ясна вся абсурдность ситуации. «Почему испугалась? Она же медик, не должна трупов бояться... И вообще, кто старика под койку затолкал? Явно же не Коркин со старшим следователем прокуратуры за компанию? Как же они тогда его не заметили? А если обнаружили, то почему не осмотрели?.. Стоп, стоп, стоп... Что, черт возьми, здесь вообще происходит?»

Баринов решительно поднялся и шагнул к кровати. Присел, примериваясь, как сподручнее выволочь деда в центр комнаты, с твердым намерением, в конце концов, хотя бы с этого трупа начать раскладывать ситуацию по полкам, но тут его словно парализовало. Мертвый более полусуток старик, все такой же, будто гипсовое изваяние, неестественно белый даже для покойника, смотрел на него! Не двигаясь, не моргая, остановившимся бессмысленным взглядом, но тем не менее смотрел.

И тут Сергея кипятком ошпарила темная, ядовито-едкая аура дома. В какой-то момент даже показалось, что стены и потолок хищно выгнулись навстречу друг другу, как будто норовя перемолоть его тело в кровавую кашу. Баринову стало жутко. Он с сипением втянул в себя загустившийся, застревающий в бронхах воздух. Волосы на затылке зашевелились, а по телу побежали волны противных ледяных мурашек.

Несмотря на испытываемую панику, в мозгу зарницей полыхнула мысль: «Коркин испугался!.. До такой степени струсил, что, плюнув на все писанные и неписанные правила, решил бежать отсюда куда глаза глядят, лишь бы подальше и побыстрее... Он и от моего появления струхнул не на шутку. Шеф всегда отличался недюжинной интуицией, вот и перестраховался с наручниками. Да только на этот раз фортуна его подвела...»

От того, что первые элементы мозаики начали складываться, Сергею неожиданно стало легче. Как только стылые объятия ужаса немного ослабли и Баринов смог шевельнуться, он, не мешкая ни секунды, вцепился в холодное запястье Ольги и поволок ее вон из дома.

Колодезный журавль высился за калиткой, шагах в пятнадцати от крыльца. Опер практически волоком дотащил все еще пребывающую в прострации девушку до замшелого сруба и бережно усадил на траву, а сам опустил заметно тронутое ржавчиной мятое ведро в темную глубину...

Сергей жадно, захлебываясь и расплескивая на грудь, до невыносимой ломоты в зубах, глотал и глотал прозрачную как слеза ледяную воду. Наконец, отвалившись, он с облегчением шумно выдохнул. Перед тем как выплеснуть из ведра остатки воды, набрал ее полный рот и сквозь сжатые губы прыснул прямо Ольге в лицо. От неожиданности она испуганно отпрянула, обиженно всхлипнула и, закрыв лицо руками, бурно разрыдалась.

Баринов немного подождал, а затем, вздохнув, принялся ее успокаивать. Когда минут через двадцать истерика наконец пошла на убыль, мягко задавая наводящие вопросы, Баринов сумел составить примерную картину приключений начинающего медработника, с его невольной подачи оказавшегося в нехорошей деревне.

Со слов Ольги выходило, что один из бугаев-лейтенантов, после того как захлопнул Сергея в арестантском отсеке, грубо вытолкал ее из салона, даже толком не поинтересовавшись, кто она такая и каким образом оказалась в служебном автомобиле. После этого милиционеры, словно им наступала на пятки свора чертей, без оглядки рванули в сторону трассы, а следом за ними устремился и микроавтобус прокуратуры.

До глубины души возмущенная столь бесцеремонным поведением представителей власти, Ольга, гадая, в чем же таком страшном провинился Сергей, отправилась по домам в поисках хоть какого-нибудь транспорта. Перспектива десятикилометровой прогулки обратно

ее совсем не прельщала. Однако, обойдя все стоящие нараспашку дома деревушки, так и не смогла отыскать ни одной живой души. Последним в очереди оказался дом, где на нее и наткнулся Баринов. Здесь Ольга все же, на свое несчастье, додумалась заглянуть под кровать и, неосторожно поймав мертвенный взгляд хозяина, тут же впала в странное состояние полу-сна-полуяви. И только устроенный Сергеем холодный душ сумел вернуть ее в реальность.

– Но это еще не все, – продолжая хлюпать носом, девушка зябко вздрогнула. – В коровник лучше загляни. – Сами того не замечая, они перешли на «ты».

Не ожидая увидеть ничего хорошего, Сергей, ориентируясь на сочащийся сквозь неплотные стены почерневшего от времени бревчатого сарая тяжелый смрад, с замиранием сердца потянул на себя протяжно заскрипевшую створку ворот.

Внутри на липком земляном полу лежала мертвая корова, над которой уже вился мельтешащий рой монотонно жужжащих мух. Опер, стараясь не вляпаться в навоз, подошел ближе и, затаив дыхание, наклонился над несчастной буренкой. Шею животного, ближе к рельефно прорисованным ребрам, рассекали два глубоких пореза, увенчанных дырами, заполненными побуревшей, запекшейся кровью.

«Однако нечто подобное мне уже встречалось, – озадаченно почесал в затылке Баринов. – Только, похоже, змеей здесь и не пахнет. Возникает резонный вопрос – какой такой зловредный монстр тут забавляется?»

Пока опер исследовал хлев, Ольга окончательно оправилась от потрясения и даже при помощи невесты откуда появившегося зеркала пыталась ликвидировать следы недавней истерики. Когда Сергей вернулся, она встретила его смущенной улыбкой. Баринов же, пряча глаза, хмуро спросил:

– И куда же теперь подадимся?

Девушка ответила не задумываясь. Но совсем не то, что Баринов ожидал услышать:

– Тут совсем рядом, за околицей, старое, еще довоенное кладбище и церквушка при нем. Священник там живет. Может, к нему?

– Хм, – Сергей задумчиво потер скрипучую щетину на подбородке и оценивающе покопался на фельдшера, – а ведь это реальная идея. Судя по творящимся здесь делам, церковь как раз то самое место, куда стоит двинуть в первую очередь... – И он не очень умело осенил себя крестным знаменем.

Интуиция у Баринова была развита не хуже, чем у его покойного начальника.

Глава 4

Непрошенная исповедь

13 августа 1989 года. 12 часов 57 минут.

Ленинградская область. Приход при кладбище в четырех километрах от деревни Грызово

Алая лампочка датчика топлива уже не моргала, а горела непрерывно, непрозрачно намекая на скорую вынужденную остановку. В подтверждение этого стрелка прибора неподвижно залегла на ноль. Прожорливый мотор проворно высосал жалкую четверть бака, от сердца оторванную прижимистым Коркиным для незапланированной поездки. Майор, не скрываясь, как мог, экономил выдаваемые на отделение талоны, заправляя казенным бензином старенькую «Волгу», на которой по выходным катался на дачу. А сегодня как раз была суббота.

Поначалу Баринов, презрев принцип «о мертвых либо хорошо, либо ничего», недобрым словом помянул погибшего шефа, но, поразмыслив, остыл. В крайнем случае, до цели можно добраться и пешком, а черный «УАЗ» слишком известен в районе, чтобы использовать его как основное средство передвижения. То же касалось и прокурорской «Газели», независимо от полноты ее бака.

Сергей вполне обоснованно полагал, что история только-только начиналась. Смерть четырех человек, из коих два – сотрудники милиции, и пропажа еще нескольких, включая следователя прокуратуры, – это чрезвычайное происшествие даже в масштабах Главного управления. А после обязательного доклада в Москву не исключено появление и министерских контролеров.

Для своих лет, вполне достаточно повидав жизнь, Баринов ни секунды не сомневался: разбирательство однозначно начнется с его персоны. А его последствия спрогнозировать было несложно. Если уж свои недолго думая нацепили наручники, то что же ожидать от приезжих...

Таким образом, вывод напрашивался однозначный – светиться, пока не появится ясное понимание ситуации, мягко говоря, неумно, так как доказывать невиновность из следственного изолятора весьма затруднительно. А как умеет перемалывать судьбы бездушная машина правоохранительной системы, для Сергея давно уже не было секретом, поэтому он и не горел желанием становиться козлом отпущения.

«Интересно, дотянем или пешком придется шлепать? Не хотелось бы», – прикидывал Баринов, буквальным образом продираясь сквозь кусты по направлению к кладбищу, потому как назвать дорогой еле заметную, густо заросшую колею язык не поворачивался.

Перевалившись через очередной поваленный ствол, «уазик» фыркнул на прощание и затих. Сергей, в надежде на чудо, раз за разом включал зажигание, насилуя стартер, но мотор, лишенный питания, отказывался оживать.

– Все, приехали, – с досадой ударил кулаком по рулю опер. – Дальше ножками.

– А что тут осталось? – негромко отозвалась молчавшая всю дорогу Ольга. – Смотри, – и пальцем показала в просвет между чахлыми елками.

Сквозь покрытое толстым слоем пыли и маслянистыми пятнами от разбившихся насекомых лобовое стекло Сергей не сразу рассмотрел на фоне серого неба плывущий над верхушками деревьев православный крест.

– Вот и ладушки, – выдохнул он с облегчением и теперь уже нежно погладил ладонью пластиковую баранку. – Отдыхай, заработал... Курочить тебя здесь некому, а как только проблемы разгребем, так сразу тебя и заберем... Ну, чего ждем? – повернулся Сергей к девушке. – Выгружаемся.

Баринов достал из вещевого ящика третий пистолет, собрал разбросанные по заднему сиденью документы погибших сослуживцев и, заперев дверцы, на всякий случай подергал за

все ручки. Покрутив на пальце автомобильный ключ с затейливым брелоком, напоследок окинул взглядом машину, сплюнул и сунул его в боковой карман джинсов.

Нечаянно наткнувшись в кармане куртки на нераспечатанную пачку сигарет, Баринов с удивлением сообразил, что последний раз курил ранним утром, на лесопилке, за компанию с чудачком сторожем, отказавшимся от «Космоса» из-за его малой крепости и засмолившим зловонную «Приму».

Сдерживая нетерпение, Сергей подцепил ногтем с каймой грязи прозрачный язычок, сорвал хрусткую пленку и, раздраженно скомкав лежавшую под крышкой рекламку, вытряхнул сигарету. Ольга, опершись на заляпанное подсыхающей грязью крыло, остановившимся взглядом смотрела куда-то в глубь леса. Баринов протянул ей открытую пачку, но она только отрицательно качнула головой.

Сергей вздохнул, скрипнул колесиком зажигалки, прикуривая:

– Правильно, не стоит и начинать. Сам вот бросить мечтаю. Да разве с такой жизнью бросишь? – Он с наслаждением глубоко затянулся, выпустил струю табачного дыма и, ощущая неожиданный подъем настроения, хитро подмигнул спутнице: – Веди, что ли, Сусанин.

...На большой поляне топорщились потемневшие кресты на оплывших, безмятежно зеленеющих холмиках. В дальнем углу кладбища, вплотную к густому осиннику притулилась неказистая церквушка. Рядом с ней, но уже за границей погоста, обнесенного покосившейся, местами поваленной оградой, расположился добротный рубленый дом, возле крыльца которого колот дрова кряжистый широкоплечий мужик в рясе. Мерные удары топора гулким эхом разносились по окрестностям.

Увлеченный работой священник заметил их только тогда, когда Баринов нарочито громко поздоровался. С размаху всадив топор в колоду, он медленно разогнулся, неторопливо отер со лба пот, глубоко посаженными серыми глазами настороженно изучая непрошенных гостей.

– И вам здравствуйте. – Правая ладонь батюшки как бы невзначай легла на топорщике.

Сергей поначалу несколько опешил от такого приема, но, опустив взгляд на свои перепачканные глиной кроссовки и не менее грязные, в зеленых разводах от травы джинсы, понял причину тревоги святого отца.

Улыбнувшись, он покопался во внутреннем кармане куртки, достал удостоверение и, раскрыв его, поднес к лицу настоятеля. По привычке, намертво въевшейся в плоть еще с начала милицейской карьеры, Баринов бордовую корочку в руки никому не давал, а всегда держал так, чтобы ее могли без помех изучить, но в то же время успеть убрать при попытке выхватить. За годы службы он насмотрелся на всякое, а порча, тем паче потеря удостоверения в лучшем случае вела к «последнему звонку» – предупреждению о неполном служебном соответствии, в худшем – к увольнению. Сергей же, пока не потерявший надежды разобраться в сложившейся ситуации и впоследствии вернуться к нормальной, в его понимании, жизни, рисковать документом не собирался.

Священник, против ожидания, и не подумал хвататься за корочки, лишь, напряженно прищурившись, пристально всмотрелся в фотографию, откровенно сличив ее с оригиналом, а также обратил внимание на срок действия и личный номер.

Баринов про себя усмехнулся: «Подкованные нынче служители церкви пошли... Не иначе, в семинарии теперь этому учат».

Тем временем настоятель немного расслабился и, убрав руку с топора, огладил густую, с заметной проседью бороду. Однако ледок в его глазах таять не спешил.

– И чем же могу помочь власти?

И тут на Сергея совсем некстати накатила жуткая слабость. Его ноги ослабли и затряслись в коленях, а в глазах потемнело. Сказалось бешеное напряжение последних суток. Он отодвинул несколько обалдевшего от подобной бесцеремонности батюшку и без сил опустился

на колоду, не обращая внимания на вбитый в ее край топор. Сжав лицо ладонями, он глухо обратился к настоятелю:

– Слышишь, отец, у тебя, случаем, вмазать чего-нибудь не найдется? А то я сейчас прямо здесь кончусь, ей-богу.

Священник, покосившись на торчащую из-под ремня опера рукоятку пистолета, призадумался, нервно подкручивая кончик уса, но все же не решаясь отказать незванным гостям в помощи, пробасил:

– В обитель проходите. Сейчас придумаем, как с вашей бедой справиться.

...До того, как первый глоток ледяной водки мячиком покатился по пищеводу, Сергей пребывал в полнейшей прострации. Батарейки внутри окончательно сели, и затуманенное сознание категорически отказывалось фиксировать окружающее. Но, за раз влив в себя две трети граненого стакана, Баринов вместе с первым хмелем вдруг ощутил приступ нестерпимого голода. Пока он без лишних уговоров уплетал курицу с холодной вареной картошкой, заедавая квашеной капустой, священник, едва пригубивший за компанию из небольшой рюмки, молча за ним наблюдал.

Когда же Сергей, подобрав последние крошки с тарелки, с довольным видом отвалился на спинку массивного стула, хозяин подал голос:

– Зрю, насытился. Теперь можно и по-человечески познакомиться. Тебя, отроковица, – он указал пальцем на Ольгу, пристроившуюся рядом с опером, – я ведаю. А ты, стало быть, – палец переместился в сторону Баринова, – Сергей Анатольевич, капитан милиции и старший оперуполномоченный... Занятно, однако... Ну, да Бог с вами. Я же настоятель местного прихода отец Илья... Повествуйте уже, с чем пожаловали?

Разомлевшего от водки опера неожиданно потянуло на откровенность. Тщетно борясь с раздражающей рот зевотой, он в мельчайших подробностях вывалил настоятелю события последних суток. Тот же слушал не перебивая, заметно мрачней по ходу рассказа. Закончил свой рассказ Баринов вопросом, на который не особо надеялся получить ответ:

– Ну, отец, может, ты растолкуешь, что происходит? Я так лично ни черта не понимаю!

– Не богохульствуй! – грозно сверкнул глазами настоятель и, повернувшись в красный угол, перекрестился на большую, в темном окладе икону, перед которой теплилась лампада. – Большая беда к нам пришла.

Сергей, трезвее от появившегося знакомого стылого кома в желудке, с необъяснимым ужасом наблюдал, как посерело его лицо. Между тем священник замогильным голосом продолжал:

– Разбудили грешники дьявольских тварей. Теперь только на помощь Господню уповать остается. Не чаял я, что выпадет встать на их пути... Но, видать, не закончен еще мой путь война.

– Э, э, отец, ты это вообще о чем? – Баринов всерьез испугался, что батюшка не в себе.

Отец Илья, наконец справившись с собой, залпом допил остатки водки в рюмке и налитыми кровью глазами в упор уставился на опера.

– Думаешь, рассудок потерял старый дурак? Ошибаешься, все гораздо хуже. Сейчас и для твоего разума, сын мой, тяжкое испытание настает... С вампирами ты воевал, капитан милиции, вот с кем. И молись Господу, что уберег он тебя от участи, коя много страшнее смерти брэнного тела, – от вечной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.